

К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Борис Ихлов

Пепел Клааса стучит в моё сердце

В наши дни, когда мир вокруг определяют буржуа, молодые и продвинутые занялись уничтожением произведений искусства. Они раскрашивают фильмы, снятые специально в черно-белом формате, они отцифровывают киноленты, вырезая из них, что попадет под руку. Режут всё подряд, «Кин-дза-дза», «Щит и меч», «Солярис», «За спичками»... Причем не только какие-то их задевающие моменты, а вообще всё. Так, в «Убить дракона» вырезали буквально несколько кадров: после того, как бургомистр объясняет уборщице, как надо тереть пол, он ведет шваброй как знаменем. Вот это знамя и вырезали. Раскрасили яркой краской блеклые тона «Тихого Дона». Получилась чушь. Это вам не Тарковский. В «17 мгновений весны» и раскрасили, и звук изменили, слова потеряли эмоциональную окраску. Будто не шеф гестапо Мюллер, а пенсионер Броневой на кухне о чьих-то похоронах беседует. Порезали даже фильмы 90-х, например, «Ворошиловский стрелок». После взрыва в авто участковый смотрит – но не показано куда, в целом фильме он смотрит вслед уходящему «стрелку», оттого разрыв в логике фильма. К вновь выпущенной на телеэкраны эпопее «Освобождение» более всего подходит слово «кастрировали». Почти четверть фильма удалили.

Фильмы в интернете уродуют рекламой, иногда вообще вместо фильма прокручивают рекламу. До приличного показа фильма трудно добраться.

В фильме «Иван Васильевич меняет профессию» в руку Куравлеву-Милославскому во время песни всучили пачку «Малборо»...

Отцифровали «Зеркало». Убили фильм. Где брейгелевские краски. Где волшебство кадра. Что они делают...

Порезали и фильм Алова и Наумова «Легенда о Тиле», выброшены слова «они не могут жить друг без друга», выброшен фрагмент смерти Сооткин и т.д. Фильм – из числа шедевров советского кино, по мотивам книги Шарля де Костера.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот что пишет Л. Андреев в предисловии к книге «Шарль де Костер и Тиль Уленшпигель»:

««Прекрасно, когда человек горд и свободен, даже если он остается бедным», – писал де Костер... «Держайте, будьте революционерами!» – этот призыв де Костера, это его кредо звучало в условиях Бельгии смело, дерзко, выделяя писателя из ряда тогдашних бельгийских писателей, над которыми тяготели осторожность, неуверенность и консерватизм. ... Де Костер... писал то о своей любви к Шиллеру и «мечтательной» немецкой литературе, то к Мольеру, то к Ж. Санд, то к Гюго... симпатии де Костера относились к романтизму Германии и Франции... Под влиянием романтиков был и демократизм раннего де Костера, его свободолюбие. ...

Сильнейшего комического эффекта де Костер добивается в самой содержательной из легенд – «Сметс Смее» (Сметсе, Б. И.). За душой кузнеца, некогда в трудную минуту продавшего ее дьяволу, приходят черти различных рангов. ... Кузнец обманывает всех чертей, в том числе и их короля: народная смекалка, мужество кузнеца оказываются сильнее, чем все дьявольские выдумки, все чудеса сверхъестественных сил (**при этом ему не нужно молиться истово, просить боженьку заступиться, Б. И.**). Сметс – не только веселый и талантливый кузнец, но и свободомыслящий гёз. Богачи разоряют Сметса именно потому, что им приходилось слышать о нем как о гёзе, враге испанского короля и папы римского, стороннике реформированной церкви. Здесь впервые намечается конфликт, который станет центральным в «Легенде об Уленшпигеле...». Об Уленшпигеле напоминает и ненависть к угнетателям, которая особенно ощутима в конце рассказа, когда король чертей сливается в одном облике с испанским королем Филиппом II. Обманув этого омерзительного «вонючего короля», сопровождаемого тучей вшей, Сметс мстит ему за Фландрию, за всех обиженных, обкраденных, умерщвленных. Сметс и его помощники восклицают: «Пусть вечно живет Фландрия!» ...

Де Костер был сотрудником журнала «Уленшпигель»... После 1860 года журнал стал воинствующим органом бельгийской демократии, объявившим войну «богам, святым, папам и королям». Этот резкий поворот в позиции журнала был обусловлен обострением политической борьбы в стране, наступлением католической реакции... Шарль де Костер был одним из самых деятельных и смелых сотрудников боевого «Уленшпигеля». ... В статьях де Костера заметно, насколько Тиль Уленшпигель судит не прошлое, как в романе, а прямо высказывается о настоящем. ... Статьи де Костера создают точную картину предымпериалистической эпохи – великие державы на пороге столкновений, начало колонизации дальних стран, революционные бури... По де Костеру, «старая Европа» «полна страха», она «тяжело больна», а «католицизм и монархизм убираются прочь» и так «низко пали», что «говорить неудобно».

Де Костер – решительный противник римско-католического папства – «с тех пор, как папство родилось, оно хорошо говорит, но делает плохие дела», проповедник в церкви старается во имя одного: «надеюсь, что я тронул ваши души – откройте мне ваши кошельки». А «Испания – это страна, которая во все времена наилучшим образом занималась уничтожением мавров, грабежом Индий и поджариванием еретиков; и все это во имя величия бога и сохранения этого высокого института, который зовется правом наследования и божественным правом». Де Костер видит ярмо, которое надевают народам американские дельцы и европейские «цивилизаторы», грабящие Китай: англичане и французы «завладели летним дворцом Императора, который был ограблен и опустошен согласно нравам и обычаям просвещенных народов».

Вот как характеризовал современность де Костер в статье от 23 декабря 1860 года: «Каждый обеспокоен, в воздухе гроза, неизвестность, революция...» ...

«Писатель приветствовал борьбу народов за освобождение в Италии, Австро-Венгрии, Ирландии, Польше. «Лютер, Кальвин, Эразм, Марникс, Вольтер, Жан Жак, люди 89 года, 93-го и 48 годов, – каждый посеял зерно; и вот повсюду дает о себе знать их расцвет и готовится к сбору урожай...» Подлинным героем для де Костера был Гарибальди. ... Обращаясь к «старому миру», де Костер произносил пророческие слова: «Но вот поднимаются против вас народы, свобода, негибная справедливость. Одно дуновение – и где прошлое? Я вижу на его месте лишь немного пыли, которая разносится ветром». ... «эпический поэт свободы», как назвал его Ромен Роллан. ... В «Легенде об Уленшпигеле...» описываются события середины и второй половины XVI века, события Нидерландской революции. Центральным конфликтом романа становится борьба с испанскими угнетателями, с римской католической церковью. ... де Костер осознает противоречия между имущими классами и народом, а подлинно революционную энергию видит в поднявшемся на борьбу крестьянстве и городской бедноте. Именно бедняки – истинные гёзы, в их руках судьба революции. Этим произведение де Костера существенно отличается от множества созданных в Бельгии исторических произведений, в которых Бельгия прошлого изображалась как единая семья патриотов, преграждающих путь оккупантам. Де Костер значительно точнее в характеристике социальной природы патриотизма, чем, например, Консьянс, в произведениях которого пособники захватчиков выглядели каким-то редким безнравственным исключением из общего для всех обитателей Бельгии правила – беззаветно служить родине. ...

Де Костер сам представил своих главных героев в виде определенной «системы», когда на первых же страницах книги устами «доброй колдуньи» Катлины заявил: «Клаас – это твоё мужество, благородный народ Фландрии, Сооткин – твоё доблестное материнство; Уленшпигель – твой дух; славная и милая девушка, спутница Уленшпигеля, подобно ему бессмертная, – твоё сердце, а толстопузый Ламме Гудзак – твой желудок. И наверху кровопийцы народа, внизу – жертвы, наверху – разбойники – шершни, внизу – работающие пчелы, а в небесах будут кровью истекать раны Христовы». ... Фольклорный персонаж де Костер превратил в гёза, в революционера, создав образ народного героя революции XVI века. ... В веселых приключениях Тилиа, героя первой книги, осмеиваются ханжество, лицемерие, скупость церковных святош и толстосумов. Озорство Тилиа поэтому вовсе не бесцельно. Однако в его первых приключениях и путешествиях часто ощущается анекдотичность, характерная для плутовского романа и для средневекового антиклерикального фарса.

Первая книга – лишь введение, юность героя, а зрелость Тилиа наступает при созерцании «несчастной земли», бесчисленных мук народа, причиненных церковью и королем Испании. ...

Вторая книга романа начинается с того, что «ранним сентябрьским утром... вышел в путь Уленшпигель по направлению к Антверпену искать Семерых». ... перед читателем иной, зрелый Тиль. Он уже не только комичен – он трагичен. ... «Индивидуум стал типом, – заметил Р. Роллан в предисловии к „Легенде об Уленшпигеле...“, – он принадлежит определенному месту – Дамме из Фландрии, определенному времени – веку Палача, Филиппа II, и Молчаливого Оранского...».

В аллегорической сцене общения с духами Тиль приобщился к загадкам Вселенной, которые ему надлежит разгадать. Поиски Семерых – это познание сущности жизни. ... Тиль Уленшпигель, покидая дом, потому что «пепел Клааса стучит в его сердце», становится революционером, превращается в гёза, в активного деятеля революции XVI века. Тиль только теперь вырастает в могучую, почти символическую фигуру народного героя, воплощающего «дух Фландрии». ... рядом с ним его верный друг Ламме, «желудок Фландрии»... Ламме противоположность Тилиа и часть его. ... Тиль и Ламме образуют нераздельную пару, подобную Дон Кихоту и Санчо у Сервантеса, Пантагрюэлю и Панургу у Рабле. ... Когда Ламме причитает: «Ох-ох, всего-всего я лишен, ни *dobbelbruinbier* (вероятно, пара коричневого пива, Б. И.), ни порядочной еды. В чем здесь наши радости?», – Уленшпигель говорит: «Проснись, фламандец, схватись за свой топор, не зная жалости: вот наши радости. Бей врага испанца и католика везде, где он попадется тебе. Забудь о своей жратве». С одной стороны, Ламме – антагонист Тилиа, поскольку Тиль неизмеримо больше, чем «желудок», поскольку в Тиле бесконечное мужество и самоотречение, поскольку он «дух Фландрии», ее разум, ее ненависть. Но Ламме – и часть Тилиа, так как, во-первых, и Ламме не просто «желудок». Он не только сопровождает Тилиа – он, когда приходит час, сражается во имя свободы Фландрии, он тоже гёз. ...

Считая зло чем-то враждебным жизни, чем-то противоестественным, де Костер превращает его в болезнь, разрушающую человека. Одержимым, ненормальным становится благодаря своей злобе, своей ненависти к живому Филиппу II, «коронованный паук». Рыбник, предавший Клааса и Сооткин, буквально превращается из человека в волка, происходит даже физиологическая его трансформация: «чем дальше, тем больше я чувствовал

желание жить волком, моей мечтой было кусаться». Патологичен и третий злодей, погубивший Катлину, – дворянин Иоос Дамман. ...

Публицистичность особенно очевидна к концу романа, к моменту наивысшего его напряжения, когда речь идет о решительных сражениях, когда настойчиво звучит призыв «Да здравствуют гёзы!». ... В этой части... голос писателя сливается с голосом его героя, и порою де Костер даже говорит от имени «нас». Обширные рассуждения и речи Тиля учащаются. Они усиливают публицистический, политически откровенный и призывный характер последних книг романа. Уленшпигель превращается в комментатора событий, агитатора, разъясняющего Ламме, гёзам, читателю суть того, что происходит, пытающегося воздействовать на них, вовлечь в борьбу – точно так же, как это делал Уленшпигель – де Костер на страницах журнала «Уленшпигель». ...»

Однако мировая буржуазия хочет оправдать врагов демоса, королей, и втоптать народ в грязь. Потому в начале книги в качестве предисловия прилепили примитивную объяснялку «Предисловие совы» с претензией на интеллектуальность, пасквиль на книгу, от некоего деятеля - Ухалуса Посовиномуса, который пишет о себе в женском роде. Читаем.

«... Во всей этой толстой книге... не нашлось хотя бы крошечного местечка для птицы Минервы [птица Минервы - в античной мифологии сова - птица богини Минервы, покровительницы ремесла, наук и искусств] для мудрой, благоразумной совы? В Германии и в вашей же любимой Фландрии я постоянно путешествую на плече Уленшпигеля, который, кстати сказать, и прозван так потому, что имя его означает сову и зеркало, мудрое и забавное, *ууl en spiegel*. Жители Дамме, где, как говорят, он родился, произносят *Ulen Spiegel* - тут действуют правило стяжения гласных и привычка произносить "уу" как "u". Это их дело. Вы придумали другое объяснение: *Ulen* (вместо *Ulieden*) *Spiegel* - это, дескать, ваше зеркало, ваше, смерды и дворяне, управляемые и правящие, зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи.

... насмешники в обличье добродушия, у вас есть нечто общее со мной. И в вашей жизни была такая ночь, когда кровь текла рекой под ножом злодейства, тоже подкравшегося неслышно. Разве не было в жизни каждого из вас мгlistых рассветов, тусклым лучом озарявших мостовые, заваленные трупами мужчин, женщин, детей? На чем основывается ваша политика с тех пор, как вы властвуете над миром? На резне и бойне. ...

Что же касается тебя, шалый поэт, то в твоих же интересах признать мое соавторство, - ведь по меньшей мере 20 глав в твоём произведении принадлежат мне, остальное я безоговорочно уступаю в твою пользу. Отвечать за все глупости, выпускаемые в свет, право, не так уж весело. Забияка-поэт, ты крушишь подряд всех, кого ты называешь душителями твоего отечества, ты приговораешь к позорному столбу истории Карла V и Филиппа II. ... Ты ручаешься, что Карлы Пятые и Филиппы Вторые перевелись на свете? Ты не боишься, что бдительная цензура усмотрит во чреве твоего слона намеки на знаменитых современников? Зачем ты тревожишь прах императора и короля? Зачем ты лаешь коронованных особ? Не напрашивайся на удары - от ударов же и погибнешь. Кое-кто тебе не простит этого лая...

Ну, к чему ты так настойчиво противопоставляешь ненавистного короля, с малолетства жестокого, - на то он и человек, - фламандскому народу, который ты стремишься изобразить доблестным, жизнерадостным, честным и трудолюбивым? Откуда ты взял, что народ был хорош, а король дурен? Мне ничего не стоит тебя разубедить. Твои главные действующие лица, все без исключения, либо дураки, либо сумасшедшие: озорник Уленшпигель с оружием в руках борется за свободу совести; его отец Клаас гибнет на костре за свои религиозные убеждения; его мать Сооткин умирает после страшных пыток, которые ей пришлось вынести из-за того, что она хотела уберечь для сына немного денег; Ламме Гудзак всегда идет прямым путем, как будто быть добрым и честным - это самое важное в жизни. ... Ну, где ты теперь встретишь таких людей? ... Впрочем, должна сознаться, что наряду с этими сумасбродами ты вывел несколько лиц, которые пришлись мне по душе: это испанские вояки, монахи, жгущие народ; фискалка Жиллина; жадюга-рыбник, доносчик и оборотень; дворянчик, по ночам прикидывающийся бесом, чтобы соблазнить какую-нибудь дурочку, а, главное, нуждавшийся в деньгах хитроумный Филипп II, подстроивший разгром церквей, чтобы потом наказать мятежников, которых он сам же сумел подстрекнуть. На что только не пойдет человек, если он объявлен наследником всех им убиваемых!.. Сова - это тот, кто исподтишка клеветает на людей, неугодных ему, и кто в случае, если его привлекают к ответственности, не преминет благоразумно заявить: "Я этого не утверждал. Так говорят..." ... Сова - это политик, который надевает на себя личину свободомыслия, неподкупности, человеколюбия и, уловив минутку, без всякого шума вонзает нож в спину какой-нибудь одной жертве, а то и целому народу. Сова - это купец, который разбавляет вино водой, который торгует недоброкачественным товаром и, вместо того чтобы напитать своих покупателей, вызывает у них расстройство желудка, вместо того чтобы привести их в благодушное настроение, только раздражает. Сова - это тот, кто ловко ворует, так что за шиворот его не схватишь, кто защищает виноватых и обвиняет правых, кто пускает по миру вдову, грабит сироту и, подобно тому как другие купаются в крови, купается в роскоши. Сова - это та, что торгует своими прелестями, развращает невинных юношей - это у нее называется "развивать" их - и, выманив у них все до последнего гроша, бросает их в том самом болоте, куда она же их и завлекла. ... Посмотри вокруг себя, поэт из захолустья, и ты увидишь, что сов на свете гибель. Сознайся, что неблагоразумно было с твоей стороны нападать на Силу и Коварство, на этих

венчанных сов. Подумай о грехах своих, произнеси *mea culpa* [я согрешил (лат.)] и на коленях вымоли прощение...»

Как же хотелось автору этого пасквиля на книгу Костера изобразить ее в кривом зеркале... Пойдите. Это же... Нет, всё не так! Писатель Ухалус Посовиномус... есть ведь такой, оказывается. Только это предисловие написал сам Шарль де Костер. Он *заранее* выводит на чистую воду буржуазных журналистов, которые захотят полить грязью легенду об Уленшпигеле. Он тычет читателя носом: не только о былой Фландрии легенда. Это о нас с вами.

Поскольку текст имеется в интернете, на замечательном сайте

<http://lib.ru/INOSTRHIST/DEKOSTER/ulenspie.txt>

я избавляю себя от необходимости давать точные ссылки.

К великому сожалению, в интернет-издании книги масса опечаток, а те слова, которые не смогли перевести, просто взяты на том языке, с которого и переводили, только к ним приделаны русские окончания, типа *broker-ы*. Скажем, слово *baes*. На любой запрос интернет-переводчик отвечает: «*baes*». Между тем это обычное слово «хозяин». Ну, вот что выдают: «Уплати *negen mannekens* (девять человечков), и мы будем с тобой в расчете». Не стесняются в переводе: «И шум от сего был подобен шуму водомета».

Идея о самом принципе отброса воды, на основе архимедова винта, известна по двум изобретениям 1661 года в Англии, т.е. только через столетие. Причем в практике принцип нашел применение только с изобретением еще через столетие парового двигателя, Рарриса и Мейен создали насос с паровым приводом для откачки воды из трюмов судов с выбросом струи воды через корму. До водомета оставались еще столетия. Или: «Я уйду - кричи: *T is van te beven de klinkaert*... Чтоб все здесь разгромить!..» И спокойный перевод в фильме: «Время греметь бокалами!» Не говоря уже о фразе «пепел Класа бьет о моё сердце». Почему не о задницу. Адекватный перевод вы видели выше: «Пепел Класа стучит в моё сердце».

Всё так? Нет. В книге, изданной до реформ – всё то же самое! «Стучит о моё сердце». Разве что в интернет-издании поленились отобразить кое-какие ссылки и наделали массу опечаток. А в ссылках в книге – перевод неточный, например, разные сорта пива помечены как «сорт пива». В переводе Горнфельда *baes* заменено на «хозяин», но и у него много непереуведенных слов. Почему такая неряшливость?

СТРАННАЯ КНИГА, СТРАННЫЙ ФИЛЬМ

«Что есть истина?»

Безусловно, и фильм, и книга пробуждают революционность. Однако различия очевидны. В фильме напрочь отсутствуют постоянные измены Тили, ведь он не пропустит ни одной юбки, без всякого стеснения, прямо при Неле. Потому Алов и Наумов обошли стороной и ревность Неле. Отсутствуют и сцены любви: «Уленшпигель и Неле были без памяти влюблены друг в друга...» И вряд ли актеры Ульфсак и Белохвостикова были способны эту любовь изобразить.

В книге, как отмечает Ромен Роллан, Сооткин – мадонна с налитыми грудями, «прекрасными естественными сосудами». В фильме Сооткин бледная, безгрудая, покорная, безропотная, как побелка на стенке, как и положено быть замужней бабе в царской России.

Иначе обыграна и судьба рыбака.

«- Куда они запрятали деньги?

- Туда, где их черт нашел, - отвечал Уленшпигель и ударил его кулаком по лицу. ...

Он хотел было стать на колени. В эту минуту рыбак показался Уленшпигелю до того мерзким, до того трусливым и жалким, что Уленшпигель швырнул его в канал.»

В фильме же - Тиль убивает рыбака здоровенным ножом, но неудачно, Катлина «возвещает» ему об этом. Тиль повторяет, что убил. Рыбак выживает, «мутирует» и становится волком. Целый сюжет.

Однако не стоит акцентировать внимание на различиях такого рода, когда есть отличия концептуальные. Например, в вопросе о религии.

Конечно, в фильме, как и в книге, есть антиклерикальный мотив, авторы не могли его обойти. Разве что в книге соответствующих эпизодов гораздо больше. Например:

«Священник пообещал прийти, но только не сейчас: дело в том, что он подсчитывал доходы причта и при этом старался отхватить львиную долю.»

Стоит ли комментировать.

Тиль судит не со стороны, он на себе испытывает, что такое церковь:

«Пиво развязало языки, и, когда речь зашла о молитвах, Уленшпигель прямо заявил, что заупокойные службы выгодны только попам. На беду, в их компанию затесался иуда - он донес, что Уленшпигель еретик. Невзирая на слезы Сооткин и настойчивые просьбы Клааса, Уленшпигеля схватили и бросили в тюрьму. Месяц и три дня сидел он в подвале...»

Одна из самых сильных сцен в книге – пытка Катлины.

«Палач прикрыл ей мокрой простыней грудь, живот и ноги, а затем, подняв скамейку, стал вливать в горло Катлине горячую воду - и влил так много, что она вся словно разбухла. ... Палач посадил Катлину на крышку дубового Гроба, стоявшего на козлах. Крышка, сделанная в виде кровли, оканчивалась острым щипцом. Дело было в ноябре - печка топилась вовсю. Катлину, сидевшую на режущем деревянном щипце, как на лезвии ножа, обули в совсем новенькие тесные сапоги и пододвинули к огню. Как скоро острый деревянный щипец гроба впился в ее тело, как скоро и без того тесные сапоги от жары еще сузились, Катлина крикнула:

- Ой, больно, мочи нет! Дайте мне яду!

- Еще ближе к огню, - распорядился старшина и приступил к допросу: - Как часто садилась ты на помело и летала на шабаш? Как часто гноила хлеб на корню, плоды на деревьях, как часто губила младенцев во чреве матери? Как часто превращала родных братьев в заклятых врагов, а родных сестер – в злобных соперниц?

Катлина хотела ответить, но не могла, - она только шевельнула руками.

- Вот мы сейчас растопим ее ведьмовский жир, так небось заговорит, - произнес старшина. - Пододвиньте ее еще ближе к огню.

Катлина кричала.

- Попроси сатану - пусть он тебя охладит, - сказал старшина. Она сделала такое движение, будто хотела сбросить дымившиеся сапоги. - Попроси сатану - пусть он тебя разует, - сказал старшина.

Пробило десять часов - в это время изверг обыкновенно завтракал. Он ушел вместе с палачом и писцом; в застенке у огня осталась одна Катлина. В одиннадцать часов они вернулись и увидели, что Катлина словно одеревенела. ... Катлину увели в тюрьму. Через три дня суд старшин приговорил ее к наказанию огнем. Палач и его подручные привели ее на Большой рынок и возвели на помост. Профос, глашатай и судьи были уже на своих местах. Трижды протрубила труба глашатая, после чего он повернулся лицом к народу и сказал:

- Суд города Дамме сжалился над женщиной Катлиной и не стал судить ее по всей строгости закона, однако в удостоверение того, что она ведьма, волосы ее будут сожжены; кроме того, она уплатит двадцать золотых кароллю штрафа и немедленно покинет пределы Дамме сроком на три года; буде же она решение суда нарушит, ее приговорят к отсечению руки. Народ рукоплескал этому жестокому снисхождению. Палач привязал Катлину к столбу и, положив пучок пакли на ее бритую голову, поджег. Пакля горела долго, а Катлина плакала и кричала. Наконец ее развязали и вывезли за пределы Дамме в тележке, ибо ноги ее были обожжены.»

Вот что такое церковь. Фильм почти скрыл эпизод пытки Катлины.

Кроме того, в фильме особое значение придается чтению запрещенной Библии на фламандском.

Причем цитируется русский вариант: «Напоите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» («Песнь песней» царя Соломона).

В книге же легко обобщается:

«На новом месте Уленшпигель показал богомольцам язык - те завопили, замахали кулаками и, подняв (свои неоструганные посохи, бросились бить Клааса и осла.»

Это не богомольцам, это всей религии язык. Любой религии. Чтобы не было сомнений, в книге подчеркивается:

«Наконец Уленшпигель ответил ей так:

- Все настоятели, приходские и домашние священники, пономари и всякое прочее поповское отродье - все, кто нас морочит. Если б я был работягой, они бы из-за этого паломничества лишили меня плодов трехлетнего труда.»

Не религиозен и народ:

«- Я выдал себя за нисвейлерского хлебопашца, родственника твоего брата, и навестил его в темнице. А к тебе я пришел потому, что он мне сказал: "Если ты не умрешь за веру, как я, то сходи к брату моему Клаасу и скажи, что я ему завещал жить по-божески, помогать бедным и тайно учить сына заповедям Христовым. Деньги, что я ему дал, **нажиты на темноте народной** - пусть же он употребит их на обучение Тиля, дабы тот познал истинного бога и был начитан от Писания".»

Народ «тёмен» - то есть, не знает «истинного бога». То есть – не религиозен в «истинном» смысле. А его религиозность – не религиозность, а «темнота». (Однако хорош братец Клааса.)

В фильме же мотив «истинной веры», образа Христа – выдаются за истину, простите за тавтологию, за откровение, духовность. И это в Советском Союзе! А ведь Ленин предупреждал: любое заигрывание с религией есть труположество. В книге, как мы увидим ниже, бунт против самих основ религии. Комментаторы вчистую обошли этот момент. Только Ромен Роллан подчеркнул - поэма отвергает бога: «Я просил бога о том, чтобы он умертвил гонителей, но он меня не услышал.» Писатель обнаруживает в книге отчетливый материалистический посыл: «... единственная вера этой поэмы – это вера в природу. Но зато она бурлива, как поток. Она струится через всю поэму...»

Вот как разбирается де Костер с небесами:

«"Говори теперь ты, падаль", - обращается ангел к императору. ... Но тут его перебил ангел. "Ты, говорит, нас не проведешь, враль с большим животом! В Германии ты терпел реформатов, потому что ты их боялся, а в Нидерландах ты сек им головы, сжигал их, вешал и закапывал в землю живьем, потому что там у тебя была одна забота - как бы побольше взять меду с этих трудолюбивых пчел. Ты казнил сто тысяч человек не потому, чтобы ты возлюбил господ нашего Иисуса Христа, но потому, что ты был деспотом, тираном, разорителем своей страны, потому, что ты больше всего любил себя, а после себя – только мясо, рыбу, вино и пиво, - ведь ты был прожорлив, как пес, и впитывал в себя влагу, как губка". ...

И сказал Христос: "Отведи эту венценосную тлю в палату, где будут представлены все орудия пытки, применявшиеся в его царствование. Всякий раз, как кто-нибудь из невинных страдальцев подвергнется пытке водой, от которой люди надуваются, как пузыри, или пытке огнем, который жжет им подошвы и подмышки, или будет поднят на дыбу, на которой ему сломают кости, или же будет четвертован; всякий раз, как несчастная девушка, которую станут закапывать в землю живьем, воззовет к милосердию; всякий раз, как вольная человеческая душа испустит на костре последний вздох, пусть и он пройдет через все эти муки, пусть и он примет все эти казни, - тогда он наконец поймет, сколько горя может причинить злодей, властвующий над миллионами; пусть он гниет в тюрьме, умирает на плахе, томится в изгнании, вдали от отчизны; пусть он будет обесчещен, опозорен, бит плетью; пусть он будет сначала богат, а потом пусть все его достояние отойдет в казну; пусть его схватят по оговору, пусть разорят дотла. Преврати его в смиренное, забитое, полуголодное вьючное животное; преврати его в нищего - пусть просит милостыню и нарывается на оскорбления; преврати его в работника – пусть трудится, не жалея сил, и недоедает; когда же он примет множество телесных и душевных мук в образе человеческом, преврати его в пса - пусть он за свою верность получает одни побои; затем преврати его в невольника, и пусть его продадут на невольничьем рынке; затем - в солдата: пусть он повоюет за кого-то другого, пусть подставит грудь под пули неизвестно за что. Когда же, по прошествии трехсот лет, он изведает все муки и все напасти, отпусти его на свободу, и если он к этому времени станет таким же хорошим человеком, как Клаас, отведи его телу место вечного успокоения на зеленом лугу, под сенью чудного дерева, куда по утрам заглядывает солнышко и где в час полуденный бывает тень. И придут к нему друзья, и прольют слезу, и посадят на его могиле цветы воспоминания - фиалки".

"Смилуйся над ним, сын мой! - вступилась богородица. - Он не ведал, что творил, ибо власть ожесточает сердца". "Нет ему прощенья", - молвил Христос.

"Нельзя ли мне хоть один стаканчик андалусского вина?" - взмолился его святейшее величество.

"Пойдем, - сказал сатана. - Время яств и питий для тебя миновало".

С этими словами он ввергнул в самую глубь преисподней душу злосчастного императора, все еще дожевывавшего рыбку. Сатана из жалости позволил ему доесть.»

Смотрите-ка: этот фрагмент в фильме – без всяких пыток, высокопарен, философичен, со значением. «Не называй меня господи, что ты знаешь, чтобы называть меня так. Я просто странник у дороги.» В книге нет философичности, ангел, Христос не говорят языком Библии, они говорят на том же наречии, что и народные низы: «тля», «падаль». Христос в книге вовсе не милосерден, не прощает, он **мстит** (запомним это), причем конкретно за каждого.

Но кто же эти таинственные Семеро? Чревоугодие, похоть, гордыня, скупость, лень, гнев, зависть...

«Сожги Семерых!» - указывают Уленшпигелю. Ничего себе «познание сущности жизнь», как формулирует Андреев. Сжигание сущности, что ли. Е. Гальперина же вообще относит превращение символов к недостаткам книги: «Натянуты последние видения Неле и Уленшпигеля, символы Семи пороков, превращающихся в Семь добродетелей, **искусственно** связанные с красочными полнокровными картинами народной войн» (предисловие к книге в переводе А. Горнфельда).

Обратим внимание на то, что в списке пороков нет жадности, наглости, лживости, равнодушия, высокомерия, лицемерия, хамства, жестокости... То есть, всех тех характерных черт, коими славится буржуазия, кои она полностью унаследовала от феодалов. В буржуазную-то революцию.

Зато в списке – те пороки, которые обличает религия в бедняке – включая **первородный грех**. Все эти **идеологические штампы, довлеющие над демосом, сжигает революция**. Буржуазная, еще раз

отметим, революция. Это бунт против ЛЮБОЙ, даже самой «истинной» религии. Не первородный грех, не похоть, а любовь. Не лень, а мечта, помните, у Пушкина: «И праздность вольную, подругу вдохновенья...» Не зависть, а соперничество, не гордыня, а благородная гордость. «Человек – это звучит гордо!» Это общее и для восставшей буржуазии, и для революционного пролетариата. Не гнев, а живость... Мда. Тут де Костер ничего лучшего не придумал. Всё так? Нет!

Какая, к черту, «живость», если сам Христос – мстителен. Ромен Ролан выуживает то, что должно стоять вместо «живости», Тиль обращается к Духам Весны: «Я хочу освободить!.. Я хочу отомстить!»

Отметим два греха, которыми бы православная церковь никогда бы не наградила низы: чревоугодие и скупость. Это всецело на совести нидерландской буржуазной революции. Не чревоугодие, но аппетит, не скупость, но бережливость...

Не снятие противоречия по Гегелю, не возникновение нового, а лишение религиозных догм сана, преодоление давления догматики.

Однобоко? Да! Энгельс в книге «Положение рабочего класса в Англии» пишет, что буржуазия всегда готова обвинить рабочих в лени, пьянстве, беспорядочных половых связях. Грех? Да! Энгельс не ставит бедняков на ходули, не рисует сусальный образ труженика. Но Энгельс указывает, по какой причине рабочие пьют – от тяжелого труда, от безвыходности.

Воруют бедняки? Да! Помните рассказ Чехова «Злоумышленник», как крестьянин отвинтил гайку для рыбной ловли, отвинтил от железнодорожного полотна? И этому есть социальные причины – в обществе, в котором довлеет капитал, рабочие иже пронизанные буржуазными отношениями. Да ведь и у Энгельса однобоко. И эту однобокость дополняет как раз Шарль де Костер: законы нравственности не привносятся сверху церковью, «цветом нации», партией и т.п. Они рождаются в пламени бунтов, восстаний бедняков, революций, освободительных войн. И не только – но «вытекают» из бытия низов.

Далее мы изменим последовательность форм, чтобы сохранить связность содержания.

Экспозиция

Не может возникнуть восстание, если не из-за чего восставать. В отличие от фильма, в книге показаны причины социального конфликта:

«Проезжая через Льеж, Клаас узнал, что бедные поречане умирали с голоду и что они подлежали юрисдикции официала [должностное лицо при епископе], то есть суда духовных особ. Они подняли восстание и потребовали хлеба и светского суда. По милости монсеньера де ла Марка, сердобольного архиепископа, иных обезглавили, иных повесили, иных сослали в изгнание. Клаасу попадались на дороге изгнанники, бежавшие из тихой льежской долины, а неподалеку от города он увидел на деревьях трупы людей, повешенных за то, что им хотелось есть. И он плакал над ними.»

Следующее противоречие касается, будто бы, религии:

«Клаас услышал, что отныне всем и каждому возбраняется печатать, читать, хранить и распространять писания, книги и учения Мартина Лютера, Иоанна Виклифа, Яна Гуса, Марсилиа Падуанского, Эколампадия, Ульриха Цвингли, Филиппа Меланхтона, Франциска Ламберта, Иоанна Померана, Отто Брунсельсия, Юста Ионаса, Иоанна Пупериса и Горциана, а равно и Новый завет, изданный Адрианом де Бергесом, Христофом да Ремонда и Иоанном Целем, каковые издания полны Лютеровою и прочих ересей, за что богословский факультет Лувенского университета осудил их и запретил. "Равным образом возбраняется кощунственно писать и изображать или же заказывать кощунственные картины и изваяния господа бога, присноблаженной девы Марии и святых угодников, равно как разбивать, рвать или же стирать картины и изваяния, напоминающие нам о бже, о деве Марии и о тех, кого церковь причислила к лику святых, служащие к их возвеличению и прославлению". "Кроме того, - говорилось в указе, - всем подданным, независимо от их звания, возбраняется рассуждать и спорить о Священном писании, а равно и толковать в нем неясные места, - всем, за исключением признанных богословов, получивших на то соизволение от какого-либо знаменитого университета". Находившихся на подозрении его святейшее величество навсегда лишал права заниматься честным трудом. Лица же, вновь впавшие в ересь или же закосневшие в таковой, подлежали сожжению, а какому именно: на медленном или на быстром огне, на костре из соломы или у столба - это уже оставлялось на усмотрение судьи. За прочие преступления мужчины, если они дворяне или почетные граждане, подлежали мечному сечению, крестьяне - повешению, а для женщин предусматривалось закапывание в землю живьем. Головы казненных в назидание надлежало выставлять на шестах. Их достояние, в том случае если оно находилось в землях, подвластных императору, отчуждалось в его пользу. Доносчикам его святейшее величество выделял половину всего

принадлежавшего казненным в том случае, если ценность их имущества не превышала ста фландрских червонцев. Свою часть император намеревался употребить на добрые дела, - так же точно он поступил, разграбив Рим. Клаас вместе с Сооткин и Уленшпигелем понуро побрел домой.»

Пока еще ничего нет. Угольщик не ропщет, покорно принимает новый закон. Понуро он идет не потому, что этот закон к нему применим. А потому что применяют – он знает людей, с которыми живет. Он понимает: религия – лишь форма. Зато содержание легко видится на примере города Гента: «Между тем доблестный город Гент отказался платить подать, которую наложил его уроженец - император Карл. Карл разорил Гент - платить ему было нечем. Это было тяжкое преступление, и Карл порешил сам учинить над ним расправу. ...Карл... сровнял с землей Сен-Бавонское аббатство, а на его месте построил крепость, откуда можно было беспрепятственно осыпать родной город ядрами. Как любящий сын, спешащий завладеть наследством, он отобрал все имущество и все доходы Гента, дома, орудия и боевые припасы. ... Он положил дотла разорить Гент, дабы трудолюбие горожан, дабы промышленность и денежные средства города не помешали его, Карла, честолюбивым замыслам. С этой целью он повелел городу уплатить не внесенную дань в размере четырехсот тысяч червонцев, сверх того уплатить сто пятьдесят тысяч каролу единовременно, а помимо этого городу надлежало ежегодно уплачивать шесть тысяч. Когда-то Гент дал императору денег взаймы. Карл обязался выплачивать городу сто пятьдесят ливров ежегодно. Теперь Карл отобрал у Гента свои долговые обязательства.»

Ничего подобного нет в фильме. Однако в книге – некоторые характерные особенности оккупации: «Так как основания для пытки были, то суд постановил пытать его (рыбника, Б. И.) до тех пор, пока он не сознается, как именно он убивал, откуда появлялся, где вещи убитых и где он прятал награбленные деньги.» Суд следует за народом. И еще:

«А весь народ требовал:

- Правосудия, монсеньер, правосудия!

На шум явились общинные стражники; наместник приказал им не уходить и обратился к своей свите:

- Монсеньеры и мессеры! Невзирая на все те вольности, коими пользуется во Фландрии славное сословие дворянское, я принужден задержать мессира Иооса Даммана вплоть до того дня, когда его будут судить по законам и Правилам, существующим в нашей империи, - столь тяжки выдвинутые против него обвинения, в частности - обвинение в колдовстве. Мессир Иоос, отдайте мне вашу шпагу!»

Суд снова следует демосу. И, наконец-то, показан отживающий класс, дворяне.

Преемник Карла, его сын Филипп еще жестче отца:

«Филипп часто покидал ее и шел посмотреть, как жгут еретиков. Придворные, и мужчины и женщины, брали с него пример.»

Об этом в фильме лишь вскользь, когда Карл сообщает Филиппу, что он сжег 50 тыс. еретиков.

Клааса сжигают на костре, этот эпизод, разумеется, есть в фильме. Однако не показан характер толпы. Он в другом эпизоде:

«Монах донес, что он святотатец, его пытали без всякого милосердия и приговорили к сожжению на костре. Во время пытки ему сожгли подошвы ног, и по дороге из тюрьмы на костер скульптор, облаченный в сан-бенито [длинный полотняный балахон, одеяние осужденных инквизицией; на сан-бенито приговоренного к смерти изображались языки пламени], все кричал:

- Отрубите мне ноги! Отрубите мне ноги!

Филипп издали слышал эти вопли, они доставляли ему наслаждение, но смеяться он не смеялся.

Придворные дамы покинули королеву Марию, дабы присутствовать при сожжении. После всех, оставив королеву одну, ушла герцогиня Альба - услышав вопли фламандского скульптора, она возымела желание непременно полюбоваться этим забавным зрелищем. Когда Филипп и все его приближенные - князья, графы, дворяне и дамы - были в сборе, фламандского скульптора длинной цепью приковали к столбу, стоявшему в центре огненного круга из пучков соломы и вязанок хвороста, так что осужденный мог при желании держаться поближе к столбу, подальше от самого жара, и жечься на медленном огне. И все с любопытством смотрели, как он, почти голый, напрягает все свои душевные силы в борьбе с нестерпимой мукой... В это мгновение скульптор, обведя глазами толпу и увидев одни свирепые лица испанцев, подумал о Фландрии - стране мужественных людей, - скрестил на груди руки и, влача за собой длинную цепь, направился прямо к горящей соломе и хворосту, а затем бестрепетно взошел на костер.

- Так умирают фламандцы на глазах у испанских палачей! - воскликнул он. - Отрубите ноги, но не мне, а им, чтобы они больше не сбегались на казни! Да здравствует Фландрия! Да здравствует во веки веков!

И тут все дамы, потрясенные твердостью его духа, наградили его рукоплесканиями и стали просить, чтобы скульптора пощадили. Но скульптор умер.»

А ведь этот фрагмент будет посильней казни Клааса.

Своеобразия в революционных Нидерландах хоть отбавляй.

«Тут было много вооруженных ткачей, и они говорили:

- Мы не дадим вешать Уленшпигеля. Это против законов Ауденаарде.»

Снова законы города выше воли короля. Но... Оказывается, есть такие особые ремесленники, ткачи.

Они, в отличие от прочих ремесленников, вооружены.

А кто, собственно, сам Клаас? Угольщик? И всё?

«Клаас закручинился. Его не радовало безоблачное небо, не радовали ласточки, не желавшие улетать. В Дамме никому не нужен был уголь – разве для кухни, а для кухни все им запаслись, и у Клааса, истратившего **на закупку** угля все свои сбережения, не оказалось покупателей. Вот почему, когда, стоя на пороге своего дома, угольщик чувствовал, что свежий ветерок холодит ему кончик носа, он говорил:

- Эге! Ко мне идет мой заработок.

Но свежий ветерок стихал, небо по-прежнему было голубое, листья не желали падать. Клаас не уступил за полцены свой зимний запас угля выжиге Грейпстюверу, старшине рыботорговцев. И скоро Клаасу не на что стало купить хлеба.

Торговцы – это тоже третье сословие, это их класс сражается в буржуазной революции. Сам Клаас – должен иметь запас угля на зиму, он не угольщик, он тоже торговец, он не добывает уголь, он его закупает и перепродает. Он бизнесмен. И это далеко не последнее удивление.

«Палач только было схватил веревку, как вдруг на помост взбежала, не помня себя, девушка в белом платье, с венком на голове, кинулась Уленшпигелю на шею и крикнула:

- Этот юноша мой, я выхожу за него замуж!

Весь народ рукоплескал ей, а женщины кричали:

- Молодец, девушка, молодец! Спасла Уленшпигеля!

- Это еще что такое? - спросил мессир де Люме.

Ему ответил Долговязый:

- В этом городе таков **обычай**, что невинная или незамужняя девушка имеет полное право спасти от петли мужчину, если она у подножья виселицы объявит, что согласна стать его женой.

- Сам бог за него, - сказал де Люме. - Развяжите!»

Хороша оккупация, в который раз обычай города выше воли короля.

Реприза (странности в экспозиции)

Сравним обстановку в Нидерландах с общими правилами марксизма-ленинизма, с Россией времен аграрной революции, наконец.

«- Ох, если б мне попался кровавый герцог, - нарочно по-фламандски воскликнул Ламме (конвойные не понимали благородного этого языка)...»

Вы видели в царской России кулака, который на нескольких языках разговаривал?

«Клаас тоже наготовил ульев и загонял в них рои. Некоторые были уже полны, другие пока еще пустовали. Клаас ночи напролет караулил сладостное свое достояние. Когда же он валился с ног от усталости, то поручал это Уленшпигелю. Тот охотно за это брался.»

Бортничество – это, вообще-то, самостоятельное ремесло. Это не просто, этому нужно учиться. Как и ловле рыбы на продажу. Клаас – просто какой-то многостаночник!

«Так показывал он изображения жителям Дамме, Брюгге, Бланкенберге и даже Остенде. И, вместо того чтобы сказать по-фламандски: Ik ben и lieden spiegel, то есть: "Я ваше зеркало", он проглатывал слоги и произносил так, как и сейчас еще произносят в Восточной и Западной Фландрии: Ik ben ulen spiegel. Вот откуда пошло его прозвище - Уленшпигель.»

Теперь и мы это знаем, в отличие от Совы. И мы видим, насколько тождественен голландский язык немецкому. Мы еще узнаем из повествования, что Тиль – точно такой же многостаночник, и художник, и музыкант, и клоун... Сколько лет уходит на то, чтобы научиться хотя бы рисовать?

«Некоторое время спустя странник наш поступил на службу к некоему Иосту по прозвищу Кваebakker, то есть "сердитый **булочник**" - такая у него была злоющая рожа. Кваebakker выдал ему на неделю три черствых хлеба, а для спанья отвел место на чердаке, где и лило и дуло на совесть.»

Булочник, будущая основа французской буржуазной революции – враг.

«Пакостник ты этакий! - вопил **портной**. - Я тебе, правда, велел сшить волка, но ты же прекрасно знаешь, что волком у нас называется деревенское полукафтанье.

Некоторое время спустя он сказал Уленшпигелю:

- Пока ты еще не лег, малый, подкинь-ка рукава вон в той куртке.

"Подкинуть" на портновском языке означает приметать.

Уленшпигель повесил куртку на гвоздь и всю ночь бросал в нее рукавами. На шум явился портной.

- Ты опять безобразничаешь, негодник? - спросил он.

- Какое же безобразие? - возразил Уленшпигель. - Я всю ночь подкидывал рукава к куртке, а они не держатся.»

Портной, как и булочник – ремесленник, мастер. Он не третье сословие, не глава гильдии, цеха, лоджии.

Уленшпигель нанимается к нему подмастерьем. Насмехается над ним, как над врагом, причем не лучшим образом, примитивно. Зачем? Чтобы оказаться без крова и еды?

«Уйдя от каретника и возвратившись во Фландрию, Уленшпигель поступил в учение к сапожнику, который предпочитал торчать на улице, нежели орудовать шилом у себя в мастерской.»

Странный сапожник. Вы знаете таких сапожников в царской России?

И сапожник, и булочник, и портной, и каретник, все ремесленники – враги Уленшпигеля.

«Тут Клаас показал пальцем на старшину рыбаков Иоста Грейпстювера, чья гнусная харя выглядывала из толпы.»

Мы узнаём, что доносчик – не просто рыбак (рыбак, из сословия ремесленников), а старшина. И этот старшина, как и выжига – старшина рыботорговцев, как и главы гильдий ремесленников, лоджий, цехов, как и прочие торговцы – тоже будущее третье сословие, революционный класс – после разложения цеховой системы.

«Убедившись, что Уленшпигель цены не сбавит, они отсчитали Уленшпигелю пятьдесят флоринов и, взяв мешочек, припустились туда, где у них обыкновенно происходили сборища и куда вскорости, прослышав, что старый еврей приобрел таинственную вещицу, с помощью коей можно узнать и возвестить приход мессии, набегали все иудеи. Каждому из них захотелось бесплатно пососать мешочек, но старик по имени Иегу, - тот самый, который его приобрел, - заявил на него свои права.

- Сыны Израиля! - держа в руке мешочек, возгремел он. – Христиане издеваются над нами, гонят нас, мы для них хуже воров. Эти сущие филистимляне втоптывают нас в грязь, плюют на нас, ибо господь ослабил тетиву наших луков и натянул удила наших коней. Доколе, господи, бог Авраама, Исаака и Иакова, доколе страдать нам? Когда же мы наконец возрадуемся? Доколе быть мраку? Когда же мы узрим свет? Скоро ли сойдешь ты на землю, божественный мессия? Скоро ли христиане, убоявшись тебя, являющегося во всей своей дивной славе, дабы покарать их, попрячутся в пещерах и ямах?»

Стало быть, из Фландрии евреев тоже гнали. А ведь мешочники, менялы, ростовщики и т.п. – точно такое же третье сословие, участвующее в буржуазной революции. Одним из первых постановлений Кромвеля было разрешение евреям легально селиться в Англии. Выходит, ростовщики ростовщикам рознь? Или они всегда и везде были удобным для властей меньшинством, тем более, как отмечал Маркс, торгашеским?

Разработка

У будущего революционера - соответствующие родители:

«И тут Клаас сказал Уленшпигелю:

- Сын мой, никогда не лишай свободы ни человека, ни животное - свобода есть величайшее из всех земных благ. Предоставь каждому греться на солнце, когда ему холодно, и сидеть в тени, когда ему жарко. И пусть господь бог судит его святейшее величество за то, что он сперва заковал в цепи свободную веру во Фландрии, а потом засадил в клетку рабства доблестный Гент.»

Клаас искажает события – король не сажал Гент в клетку рабства! Какое, к черту, рабство. Он просто обчистил Гент. И... вы уверены, что бедняки, а не кто-нибудь другой за них, говорят столь патетически, столь метафорически – ведь речь идет лишь о сравнении с рабством испанского владычества. Вы можете себе представить, чтобы в царской России крестьяне, маляры или плотники декламировали о свободе?

Постепенно из насмешника и шута Тиль превращается в борца:

«Он сказал ей:

- Пепел Клааса бьется о мою грудь, я хочу спасти землю Фландрскую.»

То есть. Пока Уленшпигель странствовал, он видел, как пытаются, как сжигают людей. Но продолжал весело пировать и спокойно спать. И только тогда, когда сам получил под задницу, он заговорил о спасении Фландрии. Он не фламандец. Он русский.

«Поостранствовав по земле Валлонской, Уленшпигель удостоверился, что принцу **неоткуда** ждать помощи, а дошел он почти до самого города Бульона.»

Вот вам и поддержка народа.

Тут де Костер абсолютно точен: большинство важных городов Голландии и Зеландии объявили лояльность к революции - кроме Амстердама и Мидделбурга, эти города еще и поддерживали Испанию до 1578 г.

«На другой день народ, узнав от Уленшпигеля всю правду, возмутился тем, какую злую сыграли с ним шутку, заставив поклоняться вместо святого какому-то плаксе, который прудит в штаны. И многие после этого стали еретиками. Они уходили со всем своим скарбом, и так пополнялось войско принца Оранского.»

Фильм не показывает *результаты* «пропаганды» Тиля, получается, что это злобный, пустопорожний насмешник.

«А Уленшпигель на сборище Диких гезов держал такую речь:

- По наущению инквизиции король Филипп объявил, что всем жителям Нидерландов, обвиненным в оскорблении величества, в ереси, а равно и в недонесении на еретиков, грозят соответственно тяжести преступлений установленные для подобных злодеяний наказания, без различия пола и возраста и без всякой надежды на помилование, за исключением особо поименованных лиц. Достояние осужденных наследует король. Смерть косит людей в **богатой** и обширной стране, лежащей между Северным морем, графством Эмден, рекою Эме, Вестфалией, Юлих-Клеве и Льежем, епископством Кельнским и Трирским, Лотарингией и Францией. Смерть косит людей на пространстве в триста сорок миль, в двухстах укрепленных городах, в ста пятидесяти селениях, существующих на правах городов, в деревнях, местечках и на равнинах. А достояние наследует король.

- Одиннадцати тысяч палачей, которых Альба именует солдатами, едва-едва хватает, - продолжал Уленшпигель. - Родимый наш край превратился в бойню, и из него бегут художники, его покидают ремесленники, его оставляют торговцы - бросают родину и обогащают чужбину, где им предоставляется свобода вероисповедания. Смерть и Разор косят у нас в стране. А наследник - король.

Наша страна купила за деньги у обедневших государей льготы. Ныне эти льготы отняты. Страна надеялась, что она не зря заключила договоры с владетельными князьями, что она насладится плодами трудов своих, что она расцветет. Но она ошиблась - каменщик строит для пожара, ремесленник работает на вора. Наследник - король. Кровь и слезы! Смерть косит всюду: на кострах; на превратившихся в виселицы деревьях, которыми обсажены большие дороги; в ямах, куда бедных девушек бросают живьем; в тюремных колодцах; на горах хвороста, которым обкладывают страстотерпцев, чтобы они горели на медленном огне; в соломенных хижинах, где в пламени и в дыму гибнут невинные жертвы. А достояние их забирает король.

Так восхотел папа римский. В городах кишат соглядатаи, алчущие своей доли имущества жертв. Чем человек богаче, тем он виновнее - ведь его достояние отходит к королю.

Но страна наша не оскудела храбрыми людьми, и они не допустят, чтобы их резали, как баранов.»

Стоит ли комментировать.

Отметим лишь три момента. 1) Андреев ошибся – это единственная речь Уленшпигеля. 2) В фильме она отсутствует, а ведь она – центр всего повествования. 3) Пассаж «чем человек богаче – тем он виновнее» отсутствует в книге, придуман переводчиком, он из арсенала радио «Эхо Москвы», Латыниной, «Дождя» и пр. Сами представьте, как гёзы, бедняки, выслушивали бы слова в защиту богатых.

Всё так? Нет. Переводчик ничего не выдумал. В книге серии БВЛ 1966 года в переводе Любимова – именно так. Любимов мог бы смягчить – «чем зажиточнее». Не смягчил. И другой переводчик, Аркадий Горнфельд, в 1915 году – тоже (Шарль де Костер. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях отважных, забавных и достославных во Фландрии и иных странах. М: ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1946).

Можно было бы списать на то, что революция-то буржуазная, так что не только богатый Ламме, все богатые буржуа на одной стороне баррикады с гезами. Но... так не получается. Потому что буржуазия для отстаивания собственных интересов прикрывалась и прикрывается интересами низов. Потому что все персонажи книги, которые на одной стороне баррикады, противостоят действительно богатым – дворянам, духовенству, которые едят каплунов, ортоланов и прочую недоступную еду.

Отсюда с необходимостью следует, что именно слово «богатый» не вызывает у народных низов Фландрии раздражения. Так может быть лишь в том случае, если эти народные низы сами живут в достатке. Что контрастирует с увиденным Клаасом: жители Льежа, поречане умирали от голода.

Дальше – хлеще:

«Но к полуночи, меж тем как smitte Вастеле с Уленшпигелем терпеливо полировали стволы аркебуз и точили наконечники для копий, у Ламме бешенство и усталость достигли крайней степени, и он свистящим от злости голосом повел такую речь:

- Посмотри на себя: ты худ, бледен и хил, а все оттого, что уж очень ты предан всяким принцам и сильным мира сего, уж очень ты для них стараешься, а о теле, о драгоценном теле своем забываешь, не печешься о нем,

пренебрегаешь им, и оно у тебя хиреет. А ведь бог и госпожа природа не для этого сотворили его. Да будет тебе известно, что душе нашей, - а душа есть дыхание жизни, - для того, чтобы дышать, потребны бобы, говядина, пиво, вино, ветчина, колбасы и покой, а ты сидишь на хлебе и воде, да еще и не спишь. ...

- Эх его прорвало! - воскликнул Уленшпигель.

- Он сам не знает, что говорит, - печально заметил Вастеле.

- Получше тебя знаю! - огрызнулся Ламме. - Я говорю, что все мы дураки - и я, и ты, и Уленшпигель: мы слепим глаза ради принцев и сильных мира сего, а они животики бы надорвали с хохоту, когда бы узнали, что мы с ног валимся, оттого что всю ночь ковали для их надобностей оружие и отливали пули. Они себе попивают из золотых кубков французское вино, едят на английского олова тарелках немецких каплунов и знать не хотят, что мы ищем попусту истинного бога, по милости которого они забрали такую силу, а враги косят нас косами и живыми бросают в колодцы. И ведь они не реформаты, не кальвинисты, не лютеране, не католики - они скептики, они во всем сомневаются, они покупают или же завоевывают себе княжества, отбирают добро у монахов, у аббатов, у монастырей, у них есть и девушки, и женщины, и шлюхи, и пьют они из золотых кубков за нескончаемое свое веселье, за нашу вековую глупость, дурость и бестолковость и за все семь смертных грехов, которые они совершают прямо под твоим, smitte Вастеле, носом, который у тебя заострился от излишнего рвения. Окинь взглядом поля и луга, окинь взглядом посевы, плодовые сады, скот, сокровища, выступающие из недр земли. Окинь взглядом лесных зверей, птиц небесных, дивных ортоланов, нежных дроздов, кабаньи морды и окорока диких коз, все это - им, охота, рыбная ловля, земля, море - все им. А ты сидишь на хлебе и воде, и мы все здесь из кожи вон лезем для них, ночей недосыпаем, не едим и не пьем. А когда мы подохнем, они пнут ногой наши трупы и скажут нашим матерям: "Наделайте новых - эти уже не годятся". ...

Уленшпигель посмеивался, но не говорил ни слова, Ламме сопел от злости, а Вастеле кротко ему ответил:

- Ты все это сказал не подумав. Я живу не ради ветчины, пива и ортоланов, а ради торжества свободы совести.

Принц - друг свободы - живет ради того же самого. Он жертвует своим довольством, своим покоем для того, чтобы изгнать из Нидерландов палачей и тиранов. Бери пример с него и постарайся спустить с себя жир. Народ спасают не брюхом, а беззаветной храбростью и безропотным несением тягот до последней минуты жизни. А сейчас, если ты устал, то поди и ляг.

Но Ламме устыдился и не пошел.»

Вы извините... Если бы народовольцы так обращались к крестьянам, они были бы биты. Если б большевики так обращались к рабочим, они были бы биты. А тут якобы сам ремесленник, кузнец, такие пули отливает. Разумеется, при всем различии понимания свободы в царской России и во Фландрии, такого быть не могло.

Наверно, стоит пояснить. Шарль де Костер – не летописец, не хроникёр. Он «аранжирует» легенды. Сказки. Потому у него булочник, каретник, сапожник, портной - высмеиваются. Примитивизм осмеяния отчетливо указывает, что это фольклорные персонажи. Если полистать сборник сказок, собранных Афанасьевым, можно увидеть две-три сказки, в которых хозяин выводит на чистую воду работника. Хотя в подавляющем большинстве – наоборот. У де Костера же преобладают именно такого сорта легенды. Почему? Неизвестно.

Поразительно здесь то, что ремесленник здесь выступает как социальный партнер с национальной элитой. А богатый Ламме – наоборот, как левеллер, коммунары, «бешеный», санкюлот, парижанин, написавший на знамени «хлеба и конституции», в его словах скрыты гораздо большие требования. Он не только против испанцев, он уже и против утопающей в роскоши национальной элиты. Он совершенно точно ее характеризует. Бедные крестьяне и ремесленники царской России, которым незачем спускать с себя жир за его отсутствием, с сочувствием выслушали бы те слова, которыми де Костер хочет опровергнуть Ламме: о говядине, пиве, отдыхе.

В реальности же в нидерландских массах большой популярностью пользовались анабаптистские секты, многие из них проповедовали насильственное свержение существующего строя, идею имущественного равенства и уничтожения всех властей - светских и духовных.

Анабаптисты призывали к повторному крещению в сознательном возрасте. Представители радикальной части анабаптистов (многие из которых придерживались идеи уравнительного коммунизма - общности имущества, а некоторые - и общности женщин) приняли участие в Крестьянской войне в Германии в 1524—1525, образовали Мюнстерскую коммуну 1534—1535, и, в конце концов, были уничтожены.

Между прочим, де Костер в другом месте сам выступает против им же придуманного возвышенного образа кузнеца:

«... вдруг из Рима пришли печальные вести. Императорские военачальники – принц Оранский, герцог Алансонский и Фрундсберг - ворвались в святой град и, не щадя ни священников, ни монахов, **ни женщин, ни детей**, разорили и опустошили церкви, часовни, дома. Святейшего владыку заточили. Грабеж длился уже целую неделю. Обожравшиеся, упившиеся рейтары и ландскнехты, бряцая оружием, шатались по городу, искали кардиналов и кричали, что они им лишнее отрежут и тогда уж, дескать, папой никому из них не бывать [скопец

не мог быть избран папой]. Те, кто привел угрозу свою в исполнение, с важным видом расхаживали по городу, и на шее у них висели четки по двадцать восемь, а то и более, бусинок, каждая величиной с орех и все до единой в крови. Иные **улицы превратились в потоки крови**, запруженные дочиста обобранными мертвыми телами. Поговаривали, что император, нуждаясь в деньгах, вознамерился половить их в крови духовенства, и точно: по договору, заключенному его полководцами со святейшим узником, он отнял у него все крепости и заставил уплатить четыреста тысяч дукатов; впредь же до выполнения всех условий договора его святейшеству надлежало пребывать в заключении. Со всем тем его величество тяжко скорбел и посему обстоятельству отменил все торжества, празднества, увеселения и приказал вельможам своим и придворным дамам облечься в траур.» Католичество – оплот феодализма, его поддерживает и штатгальтер, наместница Филиппа II, Маргарита Пармская (в интернет-тексте – почему-то Пермская), собирая Генеральные штаты из представителей феодальной аристократии, высшего духовенства и т.д. Любимец гёзов Оранский по заказу Карла громит католичество, причем де Костер изображает здесь Оранского отнюдь не борцом за свободу.

Нет возражений, в книге отражены-таки жесточайшие религиозные противоречия. Эти противоречия между конфессиями – не просто форма. Ибо – и форма содержательна: «Между тем инквизиторы и богословы вторично заявили императору Карлу, что церковь гибнет, что влияние ее падает, что славными своими победами он обязан молитвам католической церкви, которая является верной опорой его могущественной державы. Один испанский архиепископ **потребовал**, чтобы его величество отрубил шесть тысяч голов или сжег столько же тел, дабы искоренить в Нидерландах зловредную Лютерову ересь. Его святейшее величество нашел, что этого еще мало. Вот почему, куда бы ни заходил бедный Уленшпигель, всюду с ужасом видел он срубленные головы на шестах, видел, как на девушек накидывали мешки и бросали в реку, видел, как голых мужчин, растянутых на колесе, били железными палками, как женщин зарывали в землю и как палачи плясали на них, чтобы раздавить им грудь. За каждого из тех, кого удавалось привести к покаянию, духовники получали двенадцать солей. В Лувене он видел, как палачи зажгли костер пушечным порохом и как на этом костре погребло тридцать лютеран сразу. В Лимбурге он видел, как целая семья - мужья и жены, дочери и зятья - с пением псалмов вошла на костер. Во время казни только у одного старика вырвался крик.» Фильм ограничивается философическим: «Что они делают? – Свергают кумиров. – Зачем? – Чтобы создать себе новых.»

Сложнейшая эпоха, как показывает де Костер, совсем не сводимая к каким-то общим правилам исторического материализма. Однако как просто разбирается с этой сложностью вдова казненного: «- Сейчас он умрет, - сказала вдова. - Господи боже! Прими с миром дух невинного страдальца! Почему здесь нет короля? Я бы своими руками вырвала ему сердце!» Как четко обобщает женщина конкретную беду, как говорил Плеханов, «доводит до ненависти к царю», как бытийственно она отождествляет ее с королем! В отличие от масс российских идолопоклонников, как правых, так и левых.

Вот развертывание противоречия, во всей конкретности, которое полностью отсутствует в фильме. Хотя, конечно, книга – не сонатная форма, все эти эпизоды в ней основательно перемешаны.

Абсолютное обнищание пролетариата

Просто констатируем, поскольку факты – однородны.

«... за ужином я стал подчищать пальцами блюдо, на котором было подано тушеное мясо с бобами...» Ламме, как мы увидим, богат. У него поместья, хутора, фермы, и даже целые имения. Какой, к черту, народный герой... Кулацкое отродье. Но, как мы опять же увидим, ест то же, что едят и бедняки. И едят хорошо. В отличие от крестьян в дореволюционной России.

«- Почему же ты каждый день не ходишь на рыбную ловлю, муженек? - спросила Сооткин. - А чтобы самому не попасться в сеть к стражникам, - отвечал Клаас.» Ну! Это отговорка. Сдался он стражникам. Да неужто введен запрет на рыбную ловлю, неужто король сподобился российским депутатам, чтобы ввести налог на рыбаков-любителей, а Клаас – жулик, бегающий от налоговой инспекции? Затем мы узнаем, что Ламме спокойненько занимается рыбным промыслом, никто его не трогает.

«Сооткин, супружница Клааса, была женщина хорошая: вставала вместе с солнышком и трудилась, как муравей. Свой участок они обрабатывали вдвоем с Клаасом, оба впрягались в плуг, точно волы. Нелегко им было тащить плуг, но еще тяжелее - борону, когда деревянные зубья этого земледельческого орудия разрыхляли сухую землю. И все же работали они весело, с песней на устах. И как ни суха была земля, как ни жгло их палящими лучами солнце, как ни выбивались они из сил, таща борону, и как ни подгибались у них

колени, а во время роздыха Сооткин подставляла Клаасу милое свое лицо, Клаас целовал это зеркало ее нежной души, и оба они забывали о своей страшной усталости.»

Клаас – крестьянин-землепашец? Земля во Фландрии – сухая? Муж и жена сами впрягались в борону? Отметим: у четы бедняков, не земледельцев, есть собственный участок земли. Вот это да!

«Между девятью и десятью его высочество инфанта понесут крестить. Жители Вальядолида, дабы показать, как они счастливы, будут всю ночь на свой счет пировать и веселиться и швырять на Большой площади беднякам свои кровные денежки. На пяти перекрестках пять больших фонтанов будут за счет города бить до рассвета мощной струею самого лучшего вина. На пяти других перекрестках будут развешаны на деревянных помостах колбаса сервелатная, колбаса ливерная, бычьи языки и всякая прочая снедь - также за счет города.»
Неплохо живет город.

«Если отца не было дома, Уленшпигель просил у матери лиар на игру.

- Что еще за игра? - ворчала Сооткин. - Сиди дома да вяжи вязанки.»

У детей бедняков были карманные деньги.

Брат Иост:

«Затем он повел родичей в свое жилище, и там они пировали и веселились одиннадцать дней без передышки.»
Могли себе позволить.

«Клаас привез домой от брата Иоста полный мешок денег да красивую кружку английского олова, и теперь в его доме и в праздники, и в будни пир шел горой, ибо мясо и бобы у него не переводились.»

Хорошо жили богомольцы. Да и у бедняков, оказывается, было время пировать.

«Уленшпигель хотел еще кое о чем его расспросить, однако попрошайка объявил, что он алчет и жаждет и не вымолвит ни единого слова, пока не получит патар на выпивку и закуску. Уленшпигель из жалости выдал ему таковой. Попрошайка схватил патар, проскользнул, точно лиса в курятник, в "Охотничий рог" и тотчас же возвратился оттуда с победой, держа в руках полкруга колбасы и краюху хлеба. ... Попрошайка, с лица которого не сходила теперь, после того как он наелся, блаженная улыбка, пояснил Уленшпигелю, что юная красотка - царица всех лучниц, что зовут ее Митье и что она замужем за местным старшиной, мессиром Ренонкелем. Затем он попросил у Уленшпигеля еще шесть лиаров на выпивку - Уленшпигель и в этом ему не отказал.»

Интересно, как Уленшпигель добывал деньги, чтобы так щедро подавать милостыню. И как хорошо жили во Фландрии даже попрошайки, ведь круг колбасы – это как и круг сыра, не кружочек. Умять зараз два кило колбасы...

«Он пошел на авось в Ауденаарде, где стоял тогда гарнизон фламандских рейтаров, охранявший город от французских отрядов, которые, как саранча, опустошали край. Фламандскими рейтарами командовал фрисландец Корнюин. Рейтары тоже рыскали по всей округе и грабили народ, а народ, как всегда, был между двух огней. Рейтарам все шло на потребу: куры, цыплята, утки, голуби, телята, свиньи.»

Всё это было у крестьян.

«А Уленшпигель с мешочком серебра, которое ему собрали женщины, незаметно скрылся.»

Жены бедняков собрали Тилю мешочек серебра.

«В Льеже, в рыбном ряду, Уленшпигель обратил внимание на толстого юнца, державшего под мышкой плетушку с битой птицей, а другую плетушку наполнявшего треской, форелью, угрями и щуками. Уленшпигель узнал Ламме Гудзака.»

Вы где-нибудь в царской России видели толстого крестьянина, да еще с такой провизией? Но богатый Ламме – вовсе не враг бедных, как в России кулак или помещик, он друг Тили! И тоже гёз.

Ла Санжин подала на стол три кровяные колбаски, кружку пива и краюху хлеба. Уленшпигель ел за обе щеки, Ламме тоже угрызал колбаску. ...

- Он еще хочет, - сказал Ламме. - Дай ему, Ла Санжин.

На сей раз Ла Санжин подала Уленшпигелю ливерной колбасы.»

Уленшпигель – тоже желудок Фландрии.

«Перед домом Клааса был палисадник, перед домом Катлины - огород, засаженный бобами.»

Неплохо.

«Катлина решила отделаться флорином, но они пригрозили убить ее. Помирились на двух золотых кароллю и семи денье.»

Неплохо живет нищенка.

«Неле несла набитую до отказа суму.

- Тиль! - протягивая ее Уленшпигелю, сказала она. - Я подумала, что если человек, отправляясь в путь, не возьмет с собой доброго жирного гуся, ветчины и гентской колбасы, то это скажется на его здоровье. Кушай и вспоминай меня.»

Хорошо живут бедняки!

«- Что это за дурачок? - спрашивали солдаты.

- Други мои, - отвечал Уленшпигель, - я не дурачок - я кающийся и голодный. Пока дух мой оплакивает мои грехи, желудок мой плачет от отсутствия пищи. Блаженные воины и вы, прелестные девицы, я вижу у вас там жирную ветчину, гуся, колбасу, вино, пиво, пирожки! Дайте чего-нибудь страннику!

- Сейчас дадим! - крикнули фламандские солдаты. - Уж больно у этого проповедника славная морда.

И давай кидать ему, как мячики, куски всякой снеди! А Уленшпигель ел, сидя верхом на суку, да приговаривал:

- Голод делает человека черствым и не располагает к молитве, а от ветчины дурное расположение духа сразу проходит.

- Берегись! Голову проломлю! - крикнул один из сержантов и бросил ему початую бутылку.

Уленшпигель поймал ее на лету и, отхлебывая по чуточке, продолжал:

- Острый, мучительный голод вреден для бедного тела человеческого, но есть нечто более опасное: щедрые солдаты дают убогому страннику кто - кусочек ветчинки, кто - бутылку пива, но странник испытывает тревогу

- ведь он должен быть всегда трезв, а между тем если у него в животе пустовато, так он мигом нарежется.

Тут Уленшпигель поймал на лету гусиную лапку.

- Да это просто чудо! - воскликнул он. - Я поймал в воздухе луговую рыбку! Ну, вот она уже исчезла, и даже с костями! Что жаднее сухого песка? Бесплодная женщина и голодное брюхо.

Вдруг Уленшпигель почувствовал, что кто-то кольнул его алебардой в зад. Он оглянулся и увидел знаменщика.

- С каких это пор богомольцы стали презирать бараньи отбивные? - спросил знаменщик, протягивая ему на кончике алебарды баранью отбивную котлету.

Уленшпигель не отказался от нее и продолжал:

- Я не люблю, когда из меня делают отбивную, а вот бараньи отбивные я очень даже люблю. Из косточки я сделаю флейту и воспою тебе хвалу, сострадательный алебардир. И все же, - обгладывая косточку, продолжал он, - что такое обед без сладкого, что такое отбивная котлетка, самая что ни на есть сочная, ежели из-за нее не будет выглядывать светлый лик какого-нибудь пирожка?

С последним словом он схватился за лицо, ибо в эту минуту из толпы девиц в него полетели сразу два пирожка, причем один из них угодил ему в глаз, а другой в щеку.»

Сравните с житием Семеновского, Преображенского, Измайловского, Егерского или еще какого полка царской армии, разве что за исключением Гусарского...

«Вдруг все горбуны дико закричали, ибо Уленшпигель что было мочи уперся в плиту, и горб его лопнул. Кровь проступила на куртке и потекла на пол. Уленшпигель выпрямился и, вытянув руки, воскликнул:

- Я исцелился!

А горбуны завопили:

- Святой Ремакль его благословил! К нему он милостив, к нам суров. - Сними с нас горбы, угодник божий! -

Жертвую тебе теленка! - А я - семь баранов! - А я - все, что настреляю за целый год! - А я - шесть окороков! - А я отдаю церкви мой домишко! - Сними с нас горбы, святой Ремакль! ...

- Я буду за вас молиться, - сказал Уленшпигель.

- Помолись, богомolec! - все вдруг заговорили горбуны. - Помолись, выпрямленный! Мы над тобой насмеялись.

Прости нас - мы не ведали, что творили. Христос прощал на кресте, прости и ты нас!

- Прощаю, - милостиво изрек Уленшпигель.

- Ну так возьми патар! - Прими от нас флорин! - Позвольте, ваша прямизна, вручить вам реал! - Позвольте предложить вам крузат! - Дайте я вам насыплю кароллю!»

Ничего себе живут горбуны.

«В марте Уленшпигель подошел к Намюру. И здесь он встретился с Ламме - тот, пристрастившись к маасской рыбке, главным образом к форели, нанял лодку и с дозволения общины занялся рыбной ловлей. Рыбникам он уплатил за это пятьдесят флоринов. Пойманную рыбу он ел и продавал и благодаря этому прибавился в весе и поправил свои дела. ...

- Я тебя попотчую маасской рыбкой - это лучшее, что есть в дольном мире. Здесь умеют делать такие соусы, что не только пальчики, а и все руки, по самые плечи, оближешь. ... И вином маасским я тебя угощу - дивное средство от запора! Ты не ранен, сын мой? Поживи здесь со мной - сразу посвежеешь, наберешься сил, расправишь крылья, что твой орленок. И угорьков отведаешь. Ни малейшего запаха тины.»

Ах, еще и рыба. Какое тонкое обоняние у простых людей.

«Катлина бедствовала, но соседи делились с ней бобами, хлебом, мясом, кто чем мог. Община давала ей денег. Неле шила на богатых горожанок, ходила гладить белье и зарабатывала флорин в неделю.»

Хорошо делились соседи. Когда ваш покорный слуга был безработным, друзья и соратники, заводские рабочие, приносили ему картошку с морковкой.

«Приблизившись к обширной подгородней усадьбе, Уленшпигель запел жаворонком, и тотчас же изнутри ему ответил боевой клич петуха. На пороге появился добродушного обличья фермер. Он им сказал:

- Раз вы, друзья, люди вольные, то да здравствует Гез! Пожалуйте!

- Кто это? - спросил Ламме.

- Томас Утенхово, доблестный реформат, - отвечал Уленшпигель. - Все его слуга и служанки стоят, как и он, за свободу совести.

- Стало быть, вы от принца? - обратился к ним Утенхове. - Ну так ешьте и пейте!

И тут ветчинка на сковородке зашипела, и колбаска тоже, и бутылочка прибежала, и стаканчики - доверху, а Ламме давай пить, как сухой песок, и есть, так что за ушами трещало.»

Очередные ляпы: «все его слуга». Надо: «его слуга и все служанки». За ушами – пищало, а не трещало.

И запятая перед «что», а не перед «так». Не будем отвлекаться: ветчинка, колбаски, бутылочка прибежала.

«По окончании трапезы Томас Утенхове сказал:

- На этой неделе сто крестьян уйдут отсюда якобы винить плотины в Брюгге и его окрестностях. Будут они идти партиями, человек по пять, по шесть, разными дорогами. А из Брюгге переправятся морем в Эмден.

- А деньги и оружие у них будут? - спросил Уленшпигель.

- У каждого по десять флоринов и по большому ножу.»

Неведомо, в чем крестьяне собирались обвинять плотины, ведь неизвестно, где жертва ЕГЭ и тестовой системы сделает ошибку. Однако ж – у крестьян по 10 флоринов! Заработок Неле за 2,5 месяца.

«Был полдень. Плотинщики, мостовщики, судостроители, их жены, принесшие мужьям еду, дети, пришедшие посмотреть, как отцы их будут подкрепляться бобами и вареным мясом...»

Вареное мясо и бобы – против картошки, капусты и бросового хлеба в российской деревне.

«И в Антверпене Уленшпигель сказал Ламме:

- Смотри, какой большой город! Сюда стекаются сокровища со всего света: золото, серебро, пряности, золоченая кожа, гобелены, сукна, бархат, шерсть, шелк; бобы, горох, зерно, мясо, сало, мука; вино лувенское, намюрское, люксембургское, льежское, брюссельское и арсхотское, вино из Бюле, виноградники которого подходят к Намюрским воротам, рейнское, испанское и португальское, арсхотская изюмная наливка, которую там называют landolium, бургонское; мальвазия и многие другие. Пристани завалены товарами.»

Так Пушкин описывал жизнь дворян: «Янтарь на трубках Цареграда, / Фарфор и бронза на столе, / И чувств изнеженных отрада – / Духи в граненом хрустале... Пред ним roast-beef окровавленный, / И трюфли, роскошь юных лет, / Французской кухни лучший цвет, / И Страсбурга пирог нетленный / Меж сыром лимбургским живым / И ананасом золотым. / Еще бокалов жажда просит залить горячий жир котлет...» То есть: 1) не было хозяйственного кризиса, 2) Кто-то ведь в Антверпене всё это потреблял. Элита – слишком узкий социальный слой, чтобы потратить всё.

«Проходя мимо кузницы, Уленшпигель запел, подражая голосу вольной пташки - жаворонка. И тотчас из кузницы выглянула седая косматая голова, и чей-то слабый голос воспроизвел боевой клич петуха.

- Это smitte [кузнец (флам.)] Вастеле, - пояснил Уленшпигель, - днем он кует лопаты, заступы, сошники, кует, пока железо горячо, решетки для церковных клиросов, а по ночам частенько кует и вострит оружие для борцов за свободу совести. От такой игры он хорошей мины не нажил: бледен он - краше в гроб кладут, мрачен, как проклятый богом, и до того худ – одна кожа да кости. Он еще и не ложился, всю ночь напролет работал. ...

- Мне есть хочется - объявил Ламме. - У тебя в доме ничего нет?

- Могу предложить хлеба и сыра, - отвечал Вастеле.»

Сыр – против российской каши.

«- Я проедаю и пропиваю мои имения, поместья, фермы, хутора, разыскиваю мою жену и всюду следую за другом моим Уленшпигелем.»

Ничего себе гёз.

«Уленшпигель прошел в кухню, потом в комнату Клааса и Сооткин и дал волю слезам. Когда же он вышел оттуда, угольщик ему сказал:

- Вот хлеб, сыр и пиво. Коли хочешь есть - ешь; коли хочешь пить - пей.»

«Сир, я Вас съем!» Не будем отвлекаться на опечатки. Отметим лишь: в бедной семье лишь сыр, хлеб и пиво. Но можно сходить за вином...

«Нидерландцы - известные обжоры и пьяницы. Мы, испанцы, на вас не похожи: две фиги - вот и весь наш ужин.»

Простите, кто кого оккупировал? Однако ж еще раз: обжоры...

«В этот день и потом еще несколько дней подряд на кораблях мяса было невпроед, а вина - хоть залейся.»
С одного единственного фермера.

Внимательный читатель, ты... не заметил в книге де Костера ничего странного? Напомню песню о красном командире Щорсе: «В голоде и холоде жизнь его прошла...»

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ

Чтобы понять, что же на самом деле происходило в Нидерландах, дополним текст де Костера справочным материалом.

«До XI века особенного различия между горожанином и поселянином не было, оба они находились под властью сеньора. С XI века начинается освобождение городских общин. Коммунальное движение, взрастившее буржуазию, было первым ударом, который был нанесен политической стороне феодализма. Сущность этого движения, послужившего сигналом и для деревень, заключалась в освобождении городов из-под феодального гнёта, появлении городских республик и возникновении в городах общественного класса — горожан, которые выступают, как третье сословие, наряду с духовными и светскими сеньорами. Хотя с VI по X века жители городов уже и начинают группироваться, но в обществе они ещё не играли роли: политических прав у них не существовало, а социальное положение их было тяжёлым.

С конца X века по XIII век всю Западную Европу охватила коммунальная революция — процесс освобождения городов от эксплуатации феодалов. Жители городов организуются в открытые или тайные общества, во главе которых стоят купцы. Города средиземноморского побережья были поставлены в особо благоприятные условия. Их торговля с Востоком никогда не прекращалась, население южных городских общин раньше других разбогатело и привыкло к самостоятельной практической деятельности. За итальянскими городами поднялись города Рейна. Позднее выступают южные французские города, когда итальянские уже достигли городской автономии, и далее — города северной и средней Франции, Германии и Англии. Наибольшей силы движение достигает в XII веке и первой половине XIII века.» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона)

Отражением этих процессов стала новая философия Иоанна Росцелина Компьенского, Омара Хайама, Аверроэса (Ибн-Рушда), Сигера Брабантского, Боэция Дакийского, поднявших на знамени материализм Аристотеля - против засилия религии, Давида Динанского, наконец, жителя свободного от феодалов Амстердама Бенедикта Спинозы.

Все они стали провозвестниками прихода новой общественно-экономической формации.

Мощные удары по феодализму нанесли Жакерия в 1358 г. во Франции, в Чехии – Гуситские войны 1419-1434 гг., в Германии - восстания Башмака (первое – 1474 г., с требованием передать в общественную собственность леса, пастбища и воды), Крестьянская война (1524-1526 гг.), Мюнстерская коммуна 1534-1535 гг.

Однако первой страной, где произошла и победила буржуазная революция, стали Нидерланды. Революция продолжалась с 1572 г. по 1648 г. и, как всегда, сопровождалась внешней войной, в данном случае – национально-освободительной. Что этому предшествовало, как проходила борьба, чем она закончилась? Как соотносятся реальные события с легендой де Костера, а также с положением в других странах? Воспользуемся статьей «Нидерландская буржуазная революция» в сборнике «История средних веков» под ред. Н. Колесниченко. Разумеется, с поправкой на ветер. Тем более, что сам Колесниченко, чей текст опубликован Библиотеке Гумер, почерпнул знания в книгах Чистозвонова А. Н. и Пиренна А.: «Нидерландская буржуазная революция XVI в.», М., 1958; «Историография и проблемы марксистского исследования нидерландской буржуазной революции XVI в.», в сборнике: «Средние века», в. 31, М., 1968; «Нидерландская революция», пер. [с франц.], М., 1937.

Нидерланды были одной из самых передовых стран Европы, страной «с высокоразвитой промышленностью. Обширная торговля связывала её со всем миром. В нидерландских портах стояли корабли всех флагов, города были переполнены иностранными купцами и моряками. Антверпен, торговая столица Нидерландов, был международным портом. Нидерланды были страной цветущих городов, к половине XVI века их насчитывали до 300 больших и до 6000 меньших. Нидерландские сукна славились на всю Европу. Промышленность, ранее сосредоточенная в городах, распространялась на крестьянские провинции, что было связано с усилением их роли, ремесленники составляли

значительную силу не только в городах, но и в деревне», пишет Е. Гальперина в предисловии к книге де Костера.

Хлебопашество занимало второстепенное место, уступая высокопродуктивному молочному животноводству. Уже в XVI в. в земледелии преобладало возделывание технических и садово-огородных культур. Половина населения провинции жила в городах – в то время, как в России к моменту буржуазной революции одни только крестьяне составляли 77,5%.

В первой половине XVI в. в стране - экономический подъем. Происходит разложение феодальных отношений в деревне и средневекового цехового ремесла в городах – у де Костера старшина рыбороторговцев – выжига, старшина рыбаков – мерзавец и доносчик, совет старшин распоряжается пыткой.

От внимания де Костера ускользнул процесс первоначального накопления, упадок цехового ремесла и корпоративно организованной торговли в старинных городах Фландрии, Брабанта Голландии и Зеландии (Гент, Ипр, Брюгге, Лувен, Дордрехт и др.). Несмотря на все свои привилегии, мастера цехов, закосневшие в средневековых, рутинных формах производства, частью разорились, частью потеряли связи с рынком, попали в зависимость спекулятивного капитала: скупщиков и купцов. Эти посредники снабжали ремесленников сырьем и скупали готовые изделия, которые они реализовывали с большой выгодой для себя.

Так как цехи и торговые гильдии в старых городах запрещали создавать капиталистические мануфактуры и стесняли прогрессивные формы торговли (через биржи, банки и пр.), последние появлялись в тех местах, где корпоративные ограничения были слабее или совсем отсутствовали, в частности, в деревнях. Возникали новые и быстро росли прежде менее значительные города (Хондсхот во Фландрии, Антверпен в Брабанте, Амстердам в Голландии и др.). Местами целые группы деревень работали на скупщиков. Главными занятиями населения целых групп деревень были судоходство, рыболовство, торфодобыча, чесание и прядение шерсти.

В Намюре и Льеже развивалась металлургия. Зарождалось крупное машинное производство. Появлялись крупные по тем временам заводы со своими железорудными шахтами, домнами, ковочными и рудодробильными механизмами. Постепенно на уровень всеобщего выходил товар нового типа – рабочая сила.

Многие тысячи ранее самостоятельных мелких ремесленников и крестьян в процессе первоначального накопления разорялись под тяжестью налогов, в результате «революции цен», притеснения скупщиков, дворян и вымогательств ростовщиков, а также подавляющей конкуренции мануфактур.

Толпы бродяг заполнили дороги и города страны, став с начала XVI в. объектом свирепых законов против бродяжничества. Часть этих деклассированных пауперов вербовалась в наемные солдаты или влачила существование люмпен-пролетариев, другая постепенно поглощалась мануфактурами, торговым флотом, фермерскими хозяйствами. В мануфактурах и домашних мастерских царил беспощадная эксплуатация. Рабочий день, в том числе для женщин и малолетних детей, длился 12—16 часов при нищенской оплате труда. Так складывался мануфактурный пролетариат.

Однако, как мы видели, в отличие от России - массового обнищания крестьянства, которое стало источником рабочей силы, в Голландии не было. Капитализм вырос непосредственно в деревне, деревенская буржуазия складывалась из скупщиков и фермеров, без всяких наделений крестьян землей. Они и так ей владели, да она еще и передавалась по наследству.

И всё же на этой основе складывались капиталистические мануфактуры, промежуточные формы производства. В деревне росло товарно-денежное обращение, шло первоначальное накопление, появлялись буржуазно-фермерские хозяйства. Осушались большие массивы земель, развивались посевы технических культур, огородничество и садоводство. Росла продукция маслоделия и сыроделия, находившая большой спрос за рубежом; улучшалась породистость и продуктивность скота.

Во Фландрии, частично в Брабанте внедрялась плодосеменная система севооборота, распространялись посевы технических культур, местами уже практиковали стойловый откорм скота. Личная зависимость крестьян здесь исчезла. Мы не видим у де Костера ни барщины, ни оброка, хотя феодальные поборы были обременительны. Решающее место в поземельных отношениях занимали различные формы аренды. Богатые арендаторы заводили фермерские хозяйства с использованием наемного труда. В то же время во Фландрии и Брабанте, как и в предреволюционной России, паразитическое феодальное дворянство и духовенство сохраняли большие земельные владения и занимали прочные политические позиции в деревне.

В приграничных с Францией валлонских провинциях Эно и Артуа еще господствовали устаревшие формы землепользования и поземельных отношений, то есть, уровень производства еще не дорос до смены производственных отношений. Власть феодального дворянства и духовенства в деревне была еще очень сильна.

В Голландии же духовенство и дворянство имели мало земли и пользовались меньшим, чем на юге, политическим влиянием. Личная зависимость крестьян давно исчезла, наряду с арендой существовало довольно значительное мелкокрестьянское наследственное землевладение. Богатые крестьяне постепенно превращались в фермеров.

Во Фрисландии сильно было монастырское землевладение. Зато местное дворянство находилось еще в стадии формирования, было слабо, а значительная часть крестьян состояла из наследственных собственников земли. Сохранили здесь свое значение и общинные распорядки. Во всех этих провинциях складывались районы торгового земледелия с преобладанием какой-либо монокультуры или двух-трех главных отраслей.

Южная группа провинций в экономическом и социальном отношении отличалась от северной. Продукция фландрских и брабантских мануфактур и цехов сбывалась через Антверпен преимущественно на рынках, зависимых от Испании. Из Испании же они получали важнейшее сырье — шерсть. Торговля Антверпена, ставшего общеевропейским центром коммерции и кредита, была преимущественно посреднической. Он почти не имел своего флота. Потребности Фландрии и Брабанта в хлебе покрывались за счет аграрных провинций Эно и Артуа, а также с помощью импорта. Северная группа провинций экономически тяготела к главным портам Голландии и Зеландии — Амстердаму, Мидделбурху и Флиссенгену, причем Амстердам все больше выдвигался на первый план благодаря покровительству, оказываемому приезжим и местным купцам, которые занимали господствующее положение в городе.

Голландия и Зеландия располагали крупным и хорошо оснащенным морским флотом, здесь были развиты судостроение и смежные с ним отрасли производства (парусины, канатов, такелажа), а также поставленный на широкую ногу морской промысел. Свои и транзитные товары местные купцы вывозили, в основном, в Прибалтику, Скандинавию и Русское государство (т.е. на рынки, независимые от Испании). Оттуда они везли хлеб, лес, пеньку, другие товары, необходимые для снабжения населения провинций и для их промыслов.

Таким образом, мануфактурное, ремесленное производство, развивавшееся фермерское хозяйство, торговля опирались на севере на более емкий внутренний рынок, более солидную и самостоятельную экономическую базу, чем на юге. В то же время позиции реакционного феодального дворянства и католической церкви в экономически развитых северных провинциях были значительно слабее, чем в южных.

Характерной чертой стал тот момент, что центр тяжести экономики Республики лежал не в сфере промышленности и земледелия.

Разумеется, нарождавшиеся новые классы были еще слабы, связаны со средневековьем, их политические чаяния — смутны и противоречивы, действия - непоследовательны. Уцелевшие от разорения цеховые мастера, гильдейские купцы и даже подмастерья пытались отстоять свое существование от разорявшего их капитализма путем возврата к средневековым порядкам. В возврате к старому видела свое спасение и значительная часть крестьянства, исповедовавшая католицизм и верившая в «доброту монарха». Это была тень Вандей, похоронившей Великую французскую революцию.

Посмотрите: первые удары по феодалам наносят крестьяне — они же и губят собственное дело во Франции. Пиренн до того запутался, что обозвал гэзов Вандеей.

Весь негатив капитализма, связанный с расслоением населения, умножился извне. Карл V в конце своего царствования усилил чиновничий аппарат, с 1521 г. стали издаваться жестокие распоряжения («плакаты») против еретиков-лютеран, кальвинистов (ветвь протестантизма), анабаптистов. Политика его сына Филиппа II, вступившего на престол в 1556 г., была еще более реакционной. Филипп II хотел установить в Нидерландах систему испанского абсолютизма. В этих целях правительство решило: постоянно держать в Нидерландах испанские войска; сосредоточить всю фактическую власть в руках Государственного совета (консульты), членами которого были верные слуги испанцев во главе с кардиналом Гранвеллой; создать 14 новых епископств, придать епископам инквизиционных

полномочий по борьбе с ересями; установить безоговорочное исполнение законов против еретиков — «плакатов», которые при Карле V применялись с известной осторожностью.

В Испании к этому времени уже вполне определилась победа феодальной реакции над слабыми ростками капитализма. Господствующий класс феодалов строил своё благосостояние на ограблении подвластных стран, к числу которых принадлежали и Нидерланды. Планы Филиппа II подчинить феодально-католической реакции всю Европу являлись отражением тех целей, которые ставили перед собой реакционные испанские феодалы.

Объявление Испанией государственного банкротства в 1557 г. разорило многих нидерландских банкиров, предоставивших займы Габсбургам. В 1560 г. была резко увеличена пошлина на испанскую шерсть, в связи с чем ввоз ее в Нидерланды сократился на 40%. Нидерландским купцам закрыли доступ в испанские колонии, а враждебные отношения Испании с Англией парализовали англо-нидерландскую торговлю. Заглохли порты, закрылись многие мануфактуры, тысячи людей лишились работы.

Усилились волнения крестьянства и городской бедноты. Народ ненавидел испанцев и католических священников. Огромные толпы вооруженных людей собирались слушать еретиков и порой оказывали вооруженное сопротивление властям. В ряде мест народ силой воспрепятствовал казни еретиков. Часть знати и рядового провинциального дворянства была также недовольна испанским засильем, лишавшим их политического влияния и выгодных должностей; они не желали быть простыми подданными иноземного (абсолютного) монарха, а хотели сохранить привилегированное положение вассалов. Реформу католической церкви они намеревались провести в лютеранском духе и поживиться за счет конфискованных церковных и монастырских земель. В состав дворянской оппозиции входила группа обедневших дворян, занимавших разные городские должности и пополнявших ряды нарождавшейся буржуазной интеллигенции. Эти дворяне были настроены более радикально и антииспански. Они перешли в кальвинизм, призывали к вооруженному восстанию, из их среды вышло немало идеологов и смелых военачальников революционного периода.

Руководителями оппозиционной знати были крупнейшие вельможи: принц Вильгельм Оранский-Нассау, графы Эгмонт и Филипп де Монморанси, адмирал Горн. Они критиковали в Госсовете деятельность правительства, требовали восстановления вольностей, отмены «плакатов», вывода испанских войск, отставки временщика Антуана Перрено де Гранвеллы (Гранвеля), доверенного лица Филиппа, которого он поставил во главе Госсовета. Они вышли из Госсовета до тех пор, пока в нем Гранвелла. Им удалось добиться исполнения двух последних требований, чем они снискали себе некоторую популярность среди буржуазии и народа. Однако главные требования остались невыполненными, а произвол испанских властей все возрастал. Участились массовые выступления. Тогда на сцену выступило рядовое дворянство, создавшее союз «Соглашение» («Компромисс»); 5 апреля 1566 г. союз дворян предъявил наместнице Маргарите Пармской петицию с изложением своих претензий.

Первыми, подписавшими Компромисс и инициаторами его были Людовик Нассауский, Николай де Гамм, Бредероде и др., автором документа считается Сент-Альдегонд. Тайно пущенный по рукам, Компромисс скоро был покрыт массой подписей — и дворян, и горожан, и католиков, и кальвинистов. Конфедераты клялись, что не посягают ни на католицизм, ни на власть Испании, цель их — «утверждение королевской власти и уничтожение всяких смут, мятежей, партий и заговоров». Дворяне писали, что неисполнение этих требований вызовет всеобщее восстание, от которого больше всего пострадают они сами. Очевидно, главной причиной выступления дворян была их боязнь восстания низов. Бедная одежда провинциальных дворян, вручавших петицию, дала повод одному из придворных презрительно назвать их гёзами, т.е. нищими. Кличка эта была подхвачена оппозиционерами и позднее стала нарицательной для всех борцов против испанского режима. Верхи уже не могли управлять по-старому. А низы?

Поскольку наместница медлила с ответом, союз дворян начал переговоры с кальвинистскими общинами о совместных действиях. Но массы уже сами начали борьбу. 10 августа 1566 г. в р-не промышленных городов Хондсхота, Армантьера и Касселя началось мощное восстание, получившее название иконоборческого. За несколько дней оно распространилось на 12 из 17 провинций страны и обрушилось против католической церкви, главной опоры испанцев. 5500 церквей и монастырей подверглись опустошительным погромам. Восставшие уничтожали иконы, статуи святых, причастия в дарохранильницах, забирали у церквей и сдавали в городские советы на местные нужды драгоценную церковную утварь. В ряде мест повстанцы уничтожили церковные и монастырские поземельные

грамоты, закладные и долговые расписки, разгоняли монахов, избивали священников. Главную движущую силу восстания составляли работники мануфактур, портовый люд, ремесленники, батраки и крестьяне. В ряде мест действиями восставших руководили кальвинистские проповедники, революционно настроенные буржуа и радикальные члены союза дворян, принявшие кальвинизм. Наибольшей силы восстание достигло во Фландрии, Брабанте, Голландии, Зеландии, Утрехте. Власти были парализованы, наместница была вынуждена 25 августа объявить, что инквизиция будет уничтожена, «плакаты» смягчены, члены союза дворян получают амнистию, а кальвинисты — ограниченную свободу своего вероисповедания.

Размах движения напугал не только испанские власти и духовенство, но и дворян, и буржуазию. Союз дворян объявил о своем роспуске, а буржуазные заправила кальвинистских общин отрекались от участия в восстании. Буржуазия колебалась, еще надеясь на возможность мирного соглашения с испанцами. Лишенная организации и руководства к весне 1567 г. восстание было подавлено. Разгромив восстание, правительство отменило уступки, а 22 августа 1567 г. в Нидерланды было введено 10-тысячное испанское войско под командованием герцога Альбы (Фернандо Альвареса де Толедо). Тысячи людей были отправлены на плаху, костер или виселицу, а имущество их конфисковано. В течение только трёх месяцев Альба послал на эшафот до 1800 человек. 5 июня 1568 г. были казнены лидеры аристократической оппозиции граф Эгмонт и адмирал Горн. В городах спешно строились цитадели, в которых размещались испанские войска. Многие бежали за границу. Оранские принцы Вильгельм и Людвиг были приглашены на суд (что означало неминуемую казнь), но не явились, а бежали. Весной 1568 г. они начали из Германии войну. Людвиг вначале, в мае 1568-го, одержал победу - в битве при Гейлигерлее. В отместку Альба в июне казнил Эгмонта, Горна и других вельмож, за этим последовали две победы Альбы. В октябре 1568 г. Альба вытеснил войска Оранских из страны.

Леса Фландрии и Эно стали убежищем для сотен партизан из числа бедных ремесленников, рабочих мануфактур, крестьян. Во главе их были отдельные буржуа и радикально настроенные дворяне. Эти отряды называли «лесными гёзами». Во время внезапных налетов «лесные гёзы» истребляли небольшие испанские отряды, захватывали и казнили судебных чиновников, шпионов-священников и других пособников испанцев. В Голландии и Зеландии матросы, рыбаки и другой бедный люд вели успешную войну против испанцев на море. Они захватывали испанские корабли, а порой и целые флотилии, совершали налеты на прибрежные гарнизоны и небольшие городки. Узнав об успехе их действий, принц Оранский послал «морским гёзам» инструкторов - военачальников из числа дворянских эмигрантов-кальвинистов, из рядов которых вышли революционеры.

Ближайшие соратники принца Вильгельма Оранского поддерживали внутри страны конспиративные связи со своими сторонниками - дворянами, богатыми горожанами. Они еще верили в возможность с помощью лютеранских князей Германии и французских дворян-гугенотов наемников, нанести извне удар герцогу Альбе и добиться включения Нидерландов на правах самостоятельного курфюршества в состав империи. При этом должны были сохраниться средневековые вольности и привилегии, выгодные консервативному бюргерству и дворянству. Церковь они намеревались реформировать в лютеранском духе, передав ее земли дворянам. И сам принц, и его приверженцы все еще надеялись договориться на подобной основе с Филиппом II. Используя дворянских эмигрантов, с помощью немецких протестантских князей и французских гугенотов принц Оранский в 1568-1572 гг. несколько раз организовывал вторжения в Нидерланды. Но избегал совместных действий с «лесными гёзами», а надежды возлагал на помощь извне и на продажных иноземных наемников. Успеха подобные действия не имели.

Герцог Альба весной 1572 г. ввел постоянный испанский налог-алькабалу. Цены сразу возросли. Закрывались мануфактуры, мастерские, лавки. Некоторые города и провинции севера препятствовали введению алькабалы. Альба разместил в этих городах испанские войска, ослабив тем самым оборону побережья. В конце концов ему пришлось заменить алькабалу взиманием единовременного налога. «Морские гёзы», изгнанные накануне из портов Англии, где они до того времени укрывались, 1 апреля 1572 г. под предводительством графа де ла Марк неожиданно захватили незащищенный портовый город Брилле. Восставшие получили плацдарм. Но самое важное - это был знак для граждан нижней Голландии и других провинций восстать ещё раз. 5 апреля вспыхнуло восстание в крупном зеландском городе Флиссингене и распространилось на севере. Повсюду гёзы с помощью городского плебса и вооружившихся крестьян добивались успеха, и к лету 1572 г. провинции Голландия и Зеландия почти

полностью были освобождены от испанцев. В Фрисландии крупные отряды крестьян вели кровопролитные бои. Временно подавленное революционное движение возродилось с новой силой. Его организаторами были революционные слои национальной буржуазии и некоторые кальвинистские дворяне, связавшие свои интересы с успехом революции и войны за независимость. Они группировались вокруг кальвинистских консисторий, возглавляли отряды «морских гёзов», а также заново переформированных стрелковых гильдий в городах.

Революционной партии противостояли католическое духовенство, реакционное феодальное дворянство и часть патрициата, составлявшие лагерь контрреволюции. Эти силы явно или тайно боролись на стороне испанцев.

Богатое голландское купечество, некоторые слои бюргерства и дворян, связанные с принцем Оранским, занимали промежуточную позицию. Одна их часть составляла зародыш оранжистской партии (сторонников Оранского), другая (особенно богатые купцы, хотя они и относились к принцу с подозрением) считала его, тем не менее, единственным, способным организовать отпор испанцам и одновременно «обуздать» революционный порыв народных масс, готовых идти гораздо дальше. Эти силы сумели провести на собравшихся в июле 1572 г. Генеральных штатах северных провинций нужные им половинчатые решения. Главой восставших провинций был провозглашен принц Оранский. Война объявлялась лишь «узурпатору» Альбе, тогда как власть Филиппа II формально сохранялась. Для финансирования военных действий была конфискована и продана часть церковных имуществ, введены новые косвенные налоги и принудительное налогообложение состоятельных лиц.

Тем временем низы и революционная буржуазия, опираясь на консистории и стрелковые гильдии, оказывали через них влияние на провинциальные штаты и магистраты городов, явочным порядком осуществляли революционные мероприятия.

Принц Оранский, прибывший на север лишь после того, как провалился его последний поход в южные провинции, сразу же стал проводить политику интриг и компромиссов. Он привлек на свою сторону дворянство отсталых аграрных провинций. Овер-эйссела и Хелдера; прикидываясь кальвинистом, принц заигрывал с консисториями, враждовавшими с крупным голландским купечеством. Среди народных масс он снискал популярность, представляясь патриотом. Однако его главной целью было укрепить свою личную власть, создать из представителей разных социальных слоев компактную и политически активную группу своих приверженцев. Войну с испанским режимом он предпочитал по-прежнему вести при содействии королей Франции и Англии. Продвигал преданных ему людей в командный состав армии и стрелковые гильдии и, где мог, препятствовал самостоятельным выступлениям народных масс. Правящая купеческая олигархия знала о замыслах Вильгельма Оранского, но не боялась их. Она прочно окопалась в городских советах и провинциальных штатах, контролировала финансы и держала в руках своего ставленника, понимая, что его демагогические маневры в конечном счете укрепляют созданный ею самой политической режим. Так сложились оранжистская партия и оранжизм как политическое течение.

После первых побед военное положение «отложившихся» северных провинций осложнилось. Размах восстания заставил герцога Альбу бросить против них все силы; он захватил ряд голландских городов, осадил другие, его войска глубоко вклинились между Голландией и Зеландией. В 1573 г. после многомесячной осады капитулировал крупный голландский город Гарлем и вслед за тем был осажден Лейден. Но героизм защитников Лейдена заставил испанцев отступить, хотя они и были опытными солдатами. Еще до этого в Мадриде поняли, что политика Альбы в Нидерландах оказалась авантюрой, он был отозван в Испанию. Преемник Рекезенс оказался в тяжелом положении. Денег не было, испанские войска разложились. Внезапная смерть Рекезенса и бунт испанских наемников смешали все карты Филиппа II в Нидерландах.

В 1575 г. Испания объявила о новом банкротстве. Испанским наёмникам задержали зарплату. 4 ноября 1576 г. наемники начали мятеж («Испанская ярость»). Весной 1576 г. они покинули север и обрушились на беззащитные южные села и города. Испанские солдаты разграбили Антверпен и уничтожили около 8 тыс. жителей.

Ответом было восстание на юге. 4 сентября 1576 г. отряд брюссельской городской милиции под командованием офицеров-оранжистов при сочувствии и поддержке городского плебса арестовал членов Госсвета. Однако восставшие во всех провинциях уже поняли, что нужно самим решать свою судьбу. Повсюду народ брался за оружие, изгонял испанских чиновников и их пособников, свергал

реакционные советы в городах, избивал монахов и священников, осаждал испанские цитадели. Восстанавливались прежние вольности и привилегии, отмененные Альбой. Но!

В Генеральных и провинциальных штатах, Госсовете, городских советах прежних чиновников заменяли на новых, при этом политическая власть по-прежнему оставалась в руках дворян, патрициата, консервативного купечества и бюргерства.

В октябре 1576 г. в Генте собрались Генеральные штаты всей страны. Содержание выработанного ими соглашения не соответствовало настроениям масс. Декларировались верность Филиппу II и католической религии, сохранение единства страны, восстановление ее вольностей и привилегий, отмена законов герцога Альбы, вывод испанских войск из Нидерландов. Ни слова о конфискации церковных земель. Вопросы ликвидации феодального управления и земельной реформы, имевшие первостепенное значение для городских низов и крестьянства, даже не обсуждались. Кальвинисты не получили свободы вероисповедания.

«Гентское умиротворение» было попыткой сговора дворянства с консервативным бюргерством и купечеством, рассчитанной на последующее соглашение с Филиппом II ценою мелких уступок с его стороны. В результате переговоров с новым испанским наместником дон Хуаном Австрийским последовало подписание Генеральными штатами в 1577 г. «вечного эдикта». Однако наместник вероломно нарушил только что заключенный договор и попытался силой восстановить прежние испанские порядки. Сорвались планы Генеральных штатов, а вместе с ними рассеялся и мираж «национального «единства» в рамках «Гентского умиротворения».

Разгром дон Хуаном армии Генеральных штатов в битве при Жамблу 31 января 1578 г. показал нежелание и неспособность дворянского командования вести войну против испанцев. Инициатива перешла к революционным слоям буржуазии, опиравшимся на широкое движение масс, которые громили церкви и монастыри, вводили кальвинизм, создавали отряды самообороны, арестовывали дворян-заговорщиков, жгли их усадьбы.

Наряду с изменением состава городских советов в городах Фландрии и Брабанта создавались новые органы революционной власти — «комитеты восемнадцати», в которые избирались ремесленники, представители буржуазии и буржуазной интеллигенции. Сначала «восемнадцать» ведали только обороной городов, но постепенно вместе с консисториями стали вмешиваться во все сферы городского управления: следили за общественным порядком, снабжением продовольствием, оружием, конфисковывали земли и имущество церкви и изменников. «Комитет восемнадцати» Брюсселя оказывал влияние на Генеральные штаты и Государственный совет. Осенью 1577 г. он потребовал всеобщего вооружения народа, революционного ведения войны против дон Хуана и чистки госаппарата от испанских агентов и контрреволюционеров.

Наиболее ожесточенная борьба шла в столице Фландрии — Генте. Здесь осенью 1577 г. восставший городской плебс арестовал группу дворян-заговорщиков, а два испанских пособника, погубившие многих людей, были казнены. «Комитет восемнадцати» и консистории стали фактическими хозяевами в городе.

Официальной религией был провозглашен кальвинизм. Церковные имущества конфисковывались и продавались по низким ценам с аукциона. Выручка шла на нужды обороны и благотворительные цели. Гентцы прекратили выплату налогов Генеральным штатам, мотивируя это тем, что последние плохо ведут войну с испанцами и потворствуют клирикам и дворянам. Жители города помогали крестьянам окрестных деревень создавать отряды самообороны, посылали им командиров, пушки и другое оружие. В целом движение в Генте не шло дальше элементарных буржуазных преобразований, хотя осуществлялись они подчас плебейскими методами при участии простого народа. Такая же борьба происходила и в городах Брюгге, Ипре, Антверпене, Ауденаарде, Аррасе, Валансьене.

В 1578—79 во Фландрии, Брабанте, Гронингене, Дренте, Фрисландии стало развёртываться мощное крестьянское движение. Восстававшие крестьяне, которых нещадно грабили и «свои» и испанские солдаты, прекращали выплату налогов Генеральным штатам, несение феодальных повинностей своим господам, принимавшим сторону испанцев, захватывали земли дворян и католической церкви, громили замки, истребляли мародёров.

Но на юге феодальное реакционное дворянство, католическое духовенство и консервативное бюргерство занимали гораздо более прочное положение и теснее были связаны с Испанией. С другой стороны, городской плебс и крестьяне испытывали здесь еще более сильный гнет. Поэтому социально-политическая борьба на юге отличалась особой остротой и сложностью.

Этим искусно воспользовались местные оранжисты, развернувшие агитацию за приглашение принца Оранского в Брюссель, фактическую столицу 17-ти провинций. Консерваторов и реакционеров они пугали угрозой народоправства, а среди народных масс сеяли слухи о заговорах и коварстве дворян и городских богачей.

Эта агитация имела успех. Генеральные штаты пригласили Вильгельма Оранского в Брюссель. Он прибыл в Брюссель из Голландии в сентябре 1577 г. и взял в свои руки руководство политической жизнью страны. Добился провозглашения себя рувардом (правителем) Брабанта, ввел своих приверженцев в Госсовет и Генеральные штаты. Он не стеснялся самых лестных обещаний всем группировкам. Но сразу же обнаружилась несостоятельность оранжистской политики.

Крестьяне требовали земли и ликвидации феодальной кабалы, горожане, в т.ч. плебс – ликвидации власти феодалов, консистории — введения кальвинизма и участия в решении государственных дел, буржуазия – разрешения расширенного воспроизводства, а цехи — расширения привилегий. Все вместе настаивали на решительной войне против испанцев. Дворяне же требовали подавления самостоятельных выступлений народных масс, достижения компромисса с Филиппом II и сохранения католической религии.

В этих условиях принц и его приверженцы избрали тактику изоцированной игры на противоречиях и политику компромиссов. Партия оранжистов, олицетворявшая собою политический союз крупной, по преимуществу торговой буржуазии с феодальным дворянством, и пыталась проводить такую линию. Она осуществляла лишь мелкие, второстепенные реформы, всеми мерами сдерживала массовые движения, не останавливаясь даже перед применением военных репрессий.

Аналогичная картина будет наблюдаться и во время буржуазной революции в Англии.

Войну с испанцами принц предпочитал вести не руками вооруженного народа, а с помощью иноземных наемников и титулованных авантюристов вроде Франциска Анжуйского, Франсуа Анжу (брата короля Франции Генриха III) и немецкого протестанского князя пфальцграфа Иоанна Казимира, которые вступили в Нидерланды со своими войсками в 1578 г.

Иноземные наемники не столько воевали, сколько грабили страну, чинили жестокие насилия над сельским населением, а титулованные авантюристы вступали в переговоры с испанцами и сдавали им города и крепости. Возмущенные этим народные массы шире развертывали борьбу против католической церкви, реакционеров всех мастей и солдат-мародеров, а дворяне, патрициат и городские богатей требовали от принца обуздать «обнаглевшую чернь», угрожая переходом на сторону испанцев.

Осенью 1578 г. реакционное католическое дворянство провинции Геннегау подняло контрреволюционный мятеж, к нему присоединились дворяне аграрных валлонских провинций Эно, Артуа и Орши, поднявших мятеж в войсках Генеральных штатов. Мятежники на вербовали наемников, разгромили повстанцев в городах Валансьене и Аррасе, а затем начали военные операции против революционных фландрских городов. Но гентские войска совместно с крестьянскими отрядами самообороны нанесли мятежным дворянам ряд ударов и сковали их действия.

Тогда дворянские мятежники Эно и Артуа 6 января 1579 г. заключили в Аррасе союз (Аррасскую унию), целью которого являлось сохранение католицизма, подавление революции и соглашение с Филиппом II. Вскоре они подписали договор с новым испанским наместником Александром Фарнезе, в котором последний обещал соблюдать «Гентское умиротворение» и «Вечный эдикт». Испанцы снова завладели большой территорией и стали готовиться к решительному наступлению.

23 января 1579 г. в ответ на этот предательский акт дворян-мятежников революционные северные провинции (Голландия, Зеландия, Утрехт, Гронинген и Гельдерн) под эгидой Вильгельма Оранского заключили собственное соглашение — Утрехтскую унию, к которой присоединились все крупные города Фландрии и Брабанта. Города Южных Нидерландов (Антверпен, Брюгге, Брюссель, Гент) присоединились к Утрехтской унии. По этому соглашению Генеральным штатам предоставлялось право единогласным решением устанавливать налоги, заключать международные договоры, принимать важные законы. В случае разногласий спорные вопросы рассматривались арбитражным путем. Менее важные дела решались простым большинством голосов. Все провинции обязывались совместно бороться против врага до победы и не заключать сепаратных внешних союзов. В провинциях допускалась свобода вероисповедания. Голландия и Зеландия выговорили особые условия и фактически признавали лишь кальвинизм.

Между тем Вильгельм Оранский продолжал вести прежнюю политику. В августе 1579 г. он подавил повстанцев в Генте, а затем и в других городах Фландрии. Войска Генеральных штатов, терпевшие постоянные поражения от испанцев, свирепо расправились с крестьянским движением во Фландрии и в некоторых северных провинциях. Таким путем принц рассчитывал снискать расположение дворянства и добиться уступок и соглашения с Испанией. Но дворяне все больше склонялись к соглашению с испанцами, а Филипп II летом 1580 г. официально объявил Вильгельма Оранского государственным преступником, находящимся вне закона, и назначил большую награду тому, кто его убьет. Надежды на примирение с Испанией окончательно рухнули, и в 1581 г. Генеральные штаты объявили Филиппа II низложенным - был опубликован Акт о клятвенном отречении, который провозгласил, что король Испании не исполнял своих обязанностей в Нидерландах и поэтому больше не считается там законным королём.

Оранский снова обратился за помощью к Франции. В 1582 г. герцог Франциск Анжуйский вторично вступил в Нидерланды. Оранжелисты возлагали на него все свои надежды, но герцог терпел военные поражения, войска его чинили насилия и мародерствовали, а сам он потворствовал католическим священникам и прочим реакционерам. В конце концов герцог поднял мятеж с целью захвата южных провинций и присоединения их к Франции. Мятеж был подавлен, но положение Фландрии и Брабанта стало катастрофическим. Оценивая роль принца Оранского в этой авантюре, Маркс писал: *«Эта его мудрость снова бросила Восточную и западную Фландрию в пасть католикам и аристократам-вельможам. Их можно было сдерживать только «демагогией» (!) их городов».*

В 1583 г. герцог Анжуйский покинул Нидерланды. Испания же после Акта об отречении отправила на подавление восставших новую армию, которую возглавил Алессандро Фарнезе, герцог Пармский. Фарнезе завоевал основную часть Фландрии и Брабант, а также значительную часть северо-восточных провинций. Повсюду был восстановлен католицизм, протестантов пытали и казнили. Крупнейший город Нидерландов Антверпен пал в 1585 г., более половины его населения бежало на север. Численность населения города упала со 100 тысяч жителей в 1560 г. до 42 тысяч в 1590 г. С падением Антверпена в 1585 г. все южные провинции снова оказались в руках испанцев, развернувших затем наступление на север.

Ряд причин предопределил подобный исход событий в южных провинциях. Репрессии со стороны дворянских мятежников и оранжистов, грабежи и насилия наемников деморализовали народные массы, а происки иноземных авантюристов скомпрометировали в их глазах саму идею освободительной войны. И без того недостаточно прочная социальная база революционного движения на юге страны была окончательно размыта. К этому добавилось полное расстройство экономики. Мануфактуры Фландрии и Брабанта вследствие войны с Испанией потеряли источники сырья и рынки сбыта. Промышленные города юга особенно сильно пострадали от военных действий. Владельцы мануфактур вместе со своими капиталами и квалифицированными работниками хлынули в северные провинции, где положение было более благоприятным. На юге же укреплялись реакционные и консервативные прослойки бюргерства и купечества в городах, а в деревне восстановили свое господствующее положение дворяне, связанные своими интересами с католицизмом и Испанией.

На севере Утрехтская уния заложила основы республики. Военными действиями и текущими делами ведал Государственный совет, места в котором распределялись в соответствии с суммой вносимого провинциями налога. Голландия и Зеландия располагали в совете устойчивым большинством и решали дела по своему произволу. Высшая исполнительная власть и верховное командование войсками осуществлялись правителями — статхаудерами, избиравшимися из числа принцев Оранской династии. После низложения Филиппа II республиканский строй еще более укрепился, но купеческая олигархия одновременно добилась запрета консисториям и стрелковым гильдиям вмешиваться в решение политических дел.

В 1584 г. Вильгельм Оранский был убит испанским агентом. И при его жизни, и после его убийства Генеральные штаты продолжали поиски иноземного принца, который согласился бы стать верховным правителем страны. Генрих III и Елизавета I отвергли эти предложения, но из Англии был прислан граф Лейстер, избранный затем Генеральными штатами губернатором. Однако эта комбинация чуть не кончилась новой катастрофой. Лейстер плохо вел войну с испанцами, заигрывал с консисториями и народными массами, а затем поднял мятеж, намереваясь захватить власть. Мятеж провалился, и иностранный авантюрист был в 1587 г. изгнан. Только после этого в стране окончательно утвердился республиканский порядок.

Мориц Нассауский, сын Вильгельма Оранского, избранный в 1585 г. статхаудером, был талантливым полководцем. Используя патриотизм народных масс, лавируя между правящей купеческой олигархией и консисториями, Мориц успешно вел военные операции и укрепил свою власть и авторитет в стране. Военные силы северных провинций, возглавленные им с 1589, нанесли испанским войскам тяжёлые поражения и отвоевали у них ряд территорий.

Испания почти непрерывно воевала с Францией, с Османской империей в Средиземном море, она должна была контролировать свои колонии в Америке. Сложилась удивительно повторяемая ситуация, когда противоречия между странами не позволили им подавить революцию в Нидерландах.

Более того!

Вильгельм Оранский просил Константинополь поддержать его. Османская империя оказала военную помощь. На некоторое время, время веры в Оранского, гёзы приняли лозунг: «Лучше турки, чем Папа». Они даже имели красное знамя с полумесяцем, напоминающее турецкое знамя. Турки помогали Оранским так же, как Франция и Англия - в противостоянии Габсбургам.

Главной же силой стала не иностранная помощь, а гёзы. Мориц, начав с важного укрепления Берген-оп-Зом, завоевал Бреду (1590), Зютфен, Девентер, Делфзейл, Неймеген (1591), Стеенвик, Коворден (1592), Гертруденберг (1593), Гронинген (1594), Грунло, Энсхеде, Оотмарсум, Олдензал (1597), Граве (1602).

В 1600 г. началась кампания за освобождение Южных Нидерландов. Армия Генеральных Штатов нанесла поражение испанским войскам в открытом бою. Мориц остановил марш на Дюнкерк и вернулся в северные провинции. Это было окончательное разделение Нидерландов.

Обнаружившийся к 1609 г. военный перевес Республики Соединенных провинций над Испанией побудил последнюю начать мирные переговоры, которые завершились в 1609 г. подписанием перемирия сроком на 12 лет. По условиям перемирия Республика Соединенных провинций была признана Испанией как независимое государство. Голландские купцы получили право торговать с Ост-Индией, а устье реки Шельды было закрыто для торговли. Это условие избавляло голландских купцов от торговой конкуренции Антверпена и обрекало последний на экономическое прозябание.

Перемирие 1609 г. знаменовало победоносное завершение революции на севере страны и возникновение там первой в истории Европы и всего мира буржуазной республики.

Победа революции открыла путь для развития производительных сил. Несмотря на тяготы и разрушения военного времени, экономика Республики шла по пути быстрого подъема, к Золотому веку. В Лейдене, Амстердаме, Роттердаме, Утрехте, Хаарлеме и других городах развивались капиталистические мануфактуры по производству тканей, канатов, морских снастей. В Амстердаме, Заандаме, Энхкёй-зене на верфях строилось по заказам большое количество кораблей разных типов. Огромную роль продолжало играть рыболовство, в котором было занято свыше 1500 судов различного тоннажа.

Разумеется, капитализм, едва появившись на свет, показал миру, какова цель нового способа производства. Не довольствуясь традиционными рынками, голландские купцы устремились в португальские колонии, захватили богатейшие земли Индонезии и в 1602 г. создали Голландскую Ост-Индскую компанию. Обосновавшись в Индонезии, голландский торговый капитал начал широкий колониальный грабеж: массовое истребление туземного населения, хищническое уничтожение огромных ценностей, принуждение и насилие — для извлечения прибыли. Директорат компании состоял из богатейших амстердамских купцов, занимавших одновременно крупные посты в правительстве. Это обеспечивало компании безнаказанность чинимых ею преступлений и выплату высоких дивидендов пайщикам — на протяжении XVII в. в среднем 18% годовых. Для обслуживания нужд торговли в Амстердаме, ставшем теперь вместо Антверпена международным центром торговли и кредита, были созданы банк и страховые компании. Плодами расцвета воспользовалась лишь кучка богатых купцов. Они нажили колоссальные прибыли, захватили в свои руки государственный аппарат Республики, превратив его в контору по управлению своими торговыми делами.

То же самое будет творить капиталистическая Англия и у себя дома, и в Индии.

«История голландского колониального хозяйства, - пишет Маркс, - ... развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей... Опустошение и обезлюдение следовало за ними везде, куда только ни ступала их нога. Баньюванги, провинция Явы, насчитывала в 1750 г. 80 тыс. жителей, в 1811 г. всего 8 тыс.» Вот это коммерция! – восклицает Маркс («Генезис промышленного капиталиста», Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., Т. 23, С. 761).

«В 1769 - 1770 гг. англичане (в Индии, Б. И.) искусственно устроили голод, закупив весь рис и отказываясь продавать его иначе, как по баснословно высоким ценам» (Там же, «[О книге] Ф. Гизо: "Почему удалась английская революция?"», Т. 8, С. 278).

Вернер Зомбарт констатирует: «... богатство Португалии, Испании, Голландии, Франции и Англии немисливо было без предварительного уничтожения рабской культуры, ограбления Африки, обеднения и запустения Южной Азии и ее островов, плодородной Ост-Индии и цветущих государств Средней Америки».

В итоге революции пусть и небольшие дворянские земли, за исключением владений изменников, конфискованы не были. Лишь частичной конфискации подверглись церковные и монастырские земли. Сначала они стали собственностью Республики. Но затем часть была распродана, в основном, богачам по низким ценам, частично же они были просто расхищены богачами. Налоги на землю и на доходы от сельского хозяйства сильно возросли. Не полностью были ликвидированы и феодальные пережитки. В итоге «...народные массы Голландии, — писал Маркс, — уже в 1648 г. больше страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы» (Маркс К. Капитал, т. 1.- Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 763)

На протяжении всего XVII в. в торгово-промышленных городах происходили волнения и стачки ремесленников и рабочих мануфактур, жестоко подавлявшиеся властями.

Военные действия против Испании, возобновившиеся с 1621 г., по истечении срока перемирия, шли с переменным успехом, но с преимуществом Соединенных провинций, и постепенно стали составной частью общеевропейской Тридцатилетней войны. Вестфальский мир 1648 г. подтвердил в основном условия перемирия 1609 г. Соединенные провинции получили еще ряд территорий и международное признание независимости.

Революция происходила на первой стадии мануфактурного периода развития капитализма, когда «торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание», а нарождавшиеся классы капиталистического общества, буржуазия и пролетариат, еще незрелы. В стране, подчиненной Испании, она приобрела форму войны за независимость и проходила под знаменем кальвинизма. Южные провинции, Бельгия и Люксембург, остались под властью Габсбургов. Революция победила лишь на севере страны. Но и здесь власть была захвачена не революционной буржуазией, а консервативной купеческой олигархией, которая поддерживала союз с оранжистами и дворянством. Олицетворением этого союза был оранжизм. Реформы были половинчаты, повсеместно сохранялись пережитки феодализма. Аналогичная картина будет в Англии – компромисс привел к «Славной революции». Все «по правилам»!

К концу войны в 1648 г. большая территория Южных Нидерландов была захвачена Францией, которая под эгидой кардинала Ришелье и Людовика XIII заключила с Нидерландской республикой союз в борьбе против Испании в 1630-х годах.

СТАРЫЕ ДОГМЫ

Шарль де Костер написал легенду об Уленшпигеле в 1867 году, уже после очередной буржуазной революции 1848 года во Франции и установления Второй республики. Революционный публицист и писатель, противник папства, в образе Тиля непостижимым образом обошел вниманием творения эпикурейца Рабле, Джордано Бруно, бывшего во Фландрии Ванিনি, номиналиста Оккама, Томаса Мора, Кампанеллы, Лабриолы, анархиста Штирнера, не говоря уже о Гассенди, Локке, Гоббсе, Гельвеции, Дидро, Гольбахе, Руссо, Мандевиле, Прудоне, Гегеле, Сен-Симоне, Фурье, Оуэне, Фейербахе, поборнике вульгарного коммунизма Мозесе Гессе и пр., наконец, о Марксе и Энгельсе. Тем ценнее его книга, его взгляд - со стороны, что ли - на первую буржуазную революцию.

Первый момент

Не забудем, что Муравьев-вешатель обложил налогом в 10% доходов шляхетские имения и собственность католической церкви. Помимо этого, дворянство должно было оплачивать содержание сельской стражи.

Наделы для крестьян были увеличены. Крестьяне Гродненской губернии получили на 12% земли больше, чем было определено в уставных грамотах, в Виленской - на 16%, Ковенской – на 19%.

Выкупные платежи были понижены: в Гродненской губернии - 2 р.15 коп. до 67 коп за десятину, в

Виленской - 2р.11 коп до 74 коп., в Ковенской - 2 р. 25 коп до 1 р. 49 коп . В целом в результате реформ М. Н. Муравьева в Белоруссии наделы крестьян были увеличены на 24%, а подати были уменьшены на 64,5%. Муравьев также ассигновал 5 млн рублей на приобретение крестьянами секвестрированных панских земель.

С весны 1863 по октябрь 1867 гг. в качестве новых землевладельцев в Северо-западном крае было водворено 10 тыс. семей отставных нижних чинов, землю получили около 20 тыс. семей бывших арендаторов и бобылей, и только 37 семей дворян приобрели в губерниях края новые имения. К 1-му января 1864 г. в крае были открыты 389 школ, а в Молодечно - учительская семинария. Муравьев не только не стал подвергать репрессиям бунты против восставшей шляхты, но и поощрял их. В результате вместе с правительственными войсками против поляков стали действовать и крестьянские отряды. Во многих местах крестьяне «по-пугачевски» расправлялись с помещиками. Так, в Витебской губернии крестьяне разгромили имение помещиц Шумович, Водзяницкой, графа Молля, и др. 19.2.1863 у села Турова Мозырского уезда Минской губернии был задержан крестьянами один из руководителей повстанцев Р.Рогинский. Пытаясь освободиться, он предлагал крестьянам 5 тыс. р. серебром - гигантская по тем временам сумма, особенно соблазнительная для нищих белорусских крестьян. Крестьяне отказались. Они не были царепоклонниками, но привилегии, спокойная жизнь – дороже. Рогинский был передан военным.

9 марта 1863 г. император утвердил временные правила «о порядке вноса крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, денежных повинностей и о выдаче оных помещикам в губерниях: виленской, гродненской, ковенской, минской, и в уездах: динабургском, дризенском, люцинском и режицком витебской губернии». Временно-обязанные отношения ликвидировались. Та же самая мера вводилась и для Юго-Западных губерний.

В апреле 1863 г. в ответ на убийства русских солдат крестьяне Витебской губернии разгромили несколько отрядов повстанцев и около 20 имений . В том же месяце крестьяне Слуцкого уезда Минской губернии собрали отряд до 1 тыс. чел. для защиты местечка Тимковичи от поляков, в той же губернии крестьяне самостоятельно выбили мятежников из села Новоселки Игуменского уезда, потеряв при этом 3 человек убитыми и 8 ранеными.

Муравьев – один из первых в мире понял, что прогрессивное национально-освободительное движение – буржуазное, потому низы в нем участвуют лишь в качестве массовки. Буржуазным является и право нации на самоопределение.

Конечно, польский пример может быть исключением, особенно в сравнении с поведением русских крестьян во время Отечественной войны 1812 года. Правда, есть великая разница. Солдатам Наполеона офицеры пересказывали мифы о варварстве славянских народов. Однако по-варварски вели себя сами наполеоновские солдаты. В Белоруссии, Литве они уничтожали сады, огороды, убивали скот, уничтожали посевы, насиловали женщин, убивали крестьян, грабили, жгли. Особенно зверствовали поляки и «поварцы» (баварцы). Французские офицеры принуждали крестьянок к оральному сексу, сопротивлявшихся убивали.

Дело в другом: сытые МАССЫ не могут быть революционны.

Особенность нидерландской революции в том, что страна была неоднородна, в ней выделялись зажиточные провинции. Но были и нищие, вымиравшие от голода.

Вторая особенность: если в России война подхлестнула революцию к миру (братание), то иностранный гнет и войска Испании подвинули к войне население зажиточных провинций.

Любой революции сопутствует война. Но здесь – особый случай. Мотивы зажиточного фламандца открывает нам великий Ромен Роллан: не хлебом единым жив человек. Кому собирается мстить Уленшпигель? О чем речь в книге? «О войнах XVI века между Нидерландами и Испанией. О войнах жестоких, не знающих ни великодушия, ни пощады как со стороны угнетателя, так и со стороны угнетенного. О войнах, которые ничем не искупить, ибо по прошествии трех веков поэт ничего не простил... В течение трех веков такая ненависть!.. И этой ненавистью скреплять камни новой родины! Поразительное явление народной жизни! Поразительное откровение!» А вы хотели, чтобы разъяренные массы оставили царскую семью в живых?

Добавим: германские племена, населявшие Нидерланды (тубанты, канинефаты, батавы, токсандры, кельтские племена – эбуроны и меналии, одна из ветвей тевтонов – фризы), до Габсбургов, в период Римской империи, были оккупированы римлянами. Тоже не сахар.

В то же время де Костер постоянно рассказывает, в т.ч. устами Уленшпигеля, что в стране нет кризиса. Герои книги просто обжираются, торговля идет своим чередом, мануфактуры не останавливаются. Понятно, что де Костер не отобразил противоречие растущей экономики с отжившими феодальными отношениями. Но подчеркнем: если б экономика не росла, не с чем было бы производительным силам приходиться в противоречие, и революции не было бы. Точно так же, как в 1917-м году развитие капитализма привело к противоречию с отжившей монархией. Всё так? Всё «по правилам»? Нет.

От тезиса об абсолютном обнищании пролетариата отказался еще Маркс. Но в ленинской «схеме» революционной ситуации четко указано: для революции необходимо резкое обнищание масс сверх обычного.

Ничего подобного в предреволюционных Нидерландах, как мы видели по книге де Костера, не было, за исключением голода в Льеже.

Конечно, резкое обнищание сверх обычного может подтолкнуть массы к действию – как это было в Аргентине в 2000-м, когда банки перестали выдавать зарплаты и пенсии. Но то же самое резкое обнищание сверх обычного может атомизировать, разобщить массы, заставить выживать по одиночке – как это было в 90-е России, на Украине и других странах бывшего СССР, когда разорвались технологические цепочки, обрушилась экономика, началась гиперинфляция и грянули массовые увольнения.

Второй момент

Как было уже сказано, в наши дни все основные процессы в обществе определяют, увы, не забастовки, а буржуа. Но сам класс буржуазии – в глубоком кризисе. В XVII веке он начал со свержения религиозных догм, ему для собственного развития нужна была наука. Сегодня этот класс в затычном кризисе. Он вынужден призывать в помощники религию, чтобы обуздать и массы, и самого себя.

Некоторое время класс буржуа находился в состоянии когнитивного диссонанса: с одной стороны, Запад тычет носом: смотрите-ка, науку генетику в тоталитарном СССР уничтожали, просто смех! С другой стороны, религия обязывает буржуа, чтобы они отреклись от насквозь атеистической теории эволюции, включившей в себя генетику.

В 1999 году в США Управлением по образованию штата Канзас был вынесен на голосование запрет на упоминание в школах теории Дарвина.

Джордж Буш, став президентом, поднял вопрос о преподавании в учебных заведениях США теории происхождения жизни, альтернативной дарвинистской, а именно – теории «разумного проектирования», т.е. божественного.

(Заметьте: перед Великой депрессией, в 1925 году, в одной из школ штата Теннесси учителя осудили и оштрафовали на 100 долл. за преподавание биологии по запрещенной в штате книге Дарвина «Происхождение видов».)

В 2002 г. в Технологическом колледже британского города Эммануэль, в Гейтсхеде, стали преподавать вместо теории эволюции теорию креационизма, отражающую библейскую точку зрения по этому вопросу. В тот же году канзасские христианские консерваторы потребовали «аннулировать» 2-й закон термодинамики, назвав его «глубоко тревожащим научным принципом, который угрожает пониманию нашими детьми Вселенной, как мира, сотворенного благосклонным и любящим Богом»

Запад скатывается к средневековому мракобесию. (Заметим себе на будущее: тождество СССР сталинского периода и Запада.)

Что уж говорить о России, которая потеряла более 50% производственных мощностей, а скоро потеряет и космос. В России даже религия вернулась к своим архаичным формам: анимизму, тотемизму, фетишизму: на каждом углу продают амулеты, обереги, бутылочки с заговоренной водой, сеть переполнена старыми славянскими божками: Дажьбог, Стрибог, Сварог, телевидение не устает рассказывать про Золотую бабу, и т.д.

На этом фоне вполне к месту – публицист и обскурант Эдвард Радзинский, неистово сокрушающий всех царевичей по очереди. «Мы все глядим в Наполеоны, / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно, / Нам чувство дико и смешно», - пишет Пушкин. Однако то, что высокопоставленные убиенные сами уничтожали рядовых граждан миллионами, Радзинского не касается.

Радзинский описывает, как два молодых парня, Маркс и Энгельс, устроили пирушку, затем в пьяном состоянии принялись камнями разбивать фонари, затем бежали от полиции. Радзинский подчеркивает, что они разбивали «эти буржуазные» фонари. Весь рассказ – таким истерично зловещим тоном, что становится ясно - для Радзинского этот эпизод в жизни двух великих революционеров и философов является основополагающим: «Маркс возглавлял это бег от полиции!!!» Радзинский с секундомером там стоял, что ли.

Между прочим, ткацкий станок, кружевная машина, чулочновязальный станок тоже относятся к прогрессу, к достижениям капиталистического способа производства. И крушили эти «буржуазные» машины рабочие, луддиты, задолго до Маркса. Один из вождей английских луддитов, Меджерсон: «Мне пятьдесят лет, и двадцать из них я отдал борьбе за правду. Меня еще помнят в Ланкашире. Там бедняки оказали мне честь: я был избран в первый стачечный комитет еще четырнадцать лет назад. За это меня приговорили к смерти, но рабочие напали на полицейский возок и вырвали нас, пятерых осужденных, из рук палачей. Потом я перебрался в Спитфилд, близ Лондона. Почти десять лет мы боролись там за наши права... В нас стреляли солдаты - мы не сдавались. Многих схватили и повесили...»

Лорд Байрон говорил о луддитах: «Я проехал через Пиренейский полуостров, когда там свирепствовала война, я побывал в самых угнетенных провинциях Турции, но даже там, под властью деспотического и нехристианского правительства, я не видел такой ужасающей нищеты, какую по своему возвращении нашел здесь, в самом сердце христианского государства... Вы называете этих людей чернью, безгласной, опасной, невежественной чернью, и вы думаете, что единственный способ успокоить ее заключается в том, чтобы укоротить на голову всех из ее среды, но... разве нам не известно, чем мы обязаны этой черни. Именно эта чернь обрабатывает ваши поля, прислуживает в ваших домах, составляет экипаж кораблей и пополняет ряды ваших армий... Рабочие, уволенные вследствие введения новых машин, полагали в простоте души своей, что прокормление и благосостояние трудолюбивых людей важнее обогащения немногих личностей. Эти люди не разрушали раньше своих станков, пока последние не стали бесполезными, пока они не стали настоящими помехами их усилиям заработать себе хлеб» (выступление в палате лордов в феврале 1812 г., Кургинян М. С. Джордж Байрон. Критико-биографический очерк. М., 1958)

И еще:

«Не странно ль, что если является в гости
К нам голод и слышится стон бедняка,
За ломку машины ломаются кости
И ценятся жизни дешевле чулка?»
(Байрон Дж. Г. Избранное. Л., 1980)

Недаром де Костер почитал романтиков.

Вслед за луддитами последовали два восстания рабочих в Лионе, в 1831-м и 1834-м, в 1848-м – в Париже... Так что молодые Маркс и Энгельс знали, куда целить.

Но тот же Маркс писал: «Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации» («Капитал», М.: Политиздат, 1983, Т. I, С. 434).

Радзинский, этот духовный плебей с продуктами кишечного гидролиза вместо мозгов, этот мелкий первичноротый бастард даже не понимает, о чем он говорит!

То, что Радзинский благоговееет перед «аурой» монарших особ, то, что душонка этого человечка холопская – понятно.

Но ведь этого холопа не слушают - внемлют. Проникаются. А холоп обожествляет феодальные общественные отношения. Он клянет судей, оправдавших Веру Засулич. Засулич стреляла в Трепова, градоначальника Петербурга. Как можно было легализовать расстрел по убеждениям! - подтасовывает Радзинский. Он не упоминает, за что Засулич хотела убить Трепова. За его приказ подвергнуть порке заключённого Петропавловской крепости Боголюбова, который не пожелал снять перед Треповым головной убор. Но по Радзинскому – нельзя стрелять в ауру, не сметь ненавидеть королей, не сметь мстить королям! Не сметь ненавидеть генсеков, даже если они убили миллионы невинных, иначе вы станете троцкистами, анархистами, террористами, либералами, инородцами! Вы чувствуете железобетонное единство сталинистов и либерала Радзинского?

Кажется, Радзинский - сторонник ограниченной монархии, противник абсолютизма? Нет, он не против и капитализма. Он ограничивается расхожей пропагандистской фразой, что вместо того, чтобы работать, все в России только стараются критиковать да всё поделить. Критиковать, вместо того, чтобы пытаться улучшить грязное стремление к прибыли любой ценой, за счет войн и убийств миллионов. Но обожествление царей, невзирая на лояльность к капитализму, никуда не уходит от Радзинского. Он возвращает к домарксовому периоду, когда изучали не историю общественных страт, классов, а историю царей, понимая детерминизм в истории как проявление тех или иных случайных черт их характера. Разумеется, при таком подходе все революции перестают быть закономерностью, а становятся исключительно кознями Дьявола. Потому Нечаев у Радзинского – воплощение Дьявола. Радзинский не понимает, что нечаевщина – это революция, еще намертво связанная с феодализмом, с обожествленной монархией, с тем, что проповедует он сам. А именно: с тем предрассудком, что роль личности в истории, «ордена меченосцев» (как формулировал Сталин статус партии), тайной заговорщической организации, царя, президента или генсека – главная.

Ленин предупреждал: в истории нельзя исходить из общих схем, к каждой новой ситуации нужно подходить конкретно. Революция уже однажды напоялась обошлась без «вооружения правильной теорией». Парижскую Коммуну организовали как раз те, чьи теории в пух и прах разбил Маркс: бланкисты, прудонисты. А Маркс после Парижской Коммуны был вынужден исправлять свой фундаментальный теоретический труд - «Капитал». Что еще раз указывает на первичность практики в диалектической паре «практика – теория».

Из той же ленинской «схемы» революционной ситуации - напрочь выпал «необходимый» (в терминах КПСС, то есть – объективный) «субъективный фактор». Нидерландская революция обошлась без руководящей и направляющей партии, исключительно самоорганизацией низов. Как это было и в революционном 1968-м во Франции, когда тоже не было резкого обнищания масс сверх обычного, когда ВСЕ левые партии и даже профсоюзы оказались на обочине истории.

Рост абсентеизма во всех развитых странах мира показывает: объятые парламентаризмом партии всё больше утрачивают своё значение.

Устарела, безнадежно устарела брошюра Ленина «Что делать», где он осуждает стихийность рабочего движения. Эта брошюра – отражение феодализма абсолютной монархии. Устарела уже при Ленине и в устах Ленина догма Бернштейна о необходимости привнесения божественного политического сознания в инертную, темную материю рабочего класса.